

A woman with long dark hair, wearing a vibrant red, long-sleeved, floor-length dress, stands in the threshold of a large, ornate green arched doorway. She is looking back over her shoulder towards the camera, with her right hand resting on the door frame. The doorway is set into a light-colored stone wall with classical architectural details, including decorative brackets and a pediment above the arch. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting late afternoon or early morning. The overall mood is mysterious and elegant.

DA

АННА
ДАНИЛОВА

ТРИ СТУПЕНИ
ДО АДА

Психологический детектив

Анна Васильевна Данилова
Три ступени до ада
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой.
Новые расследования»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70323079
ISBN 978-5-04-199427-3

Аннотация

Остросюжетные романы Анны Даниловой – это увлекательные детективы, в которых автор при помощи психологических головоломок и сложных хитросплетений чувств раскрывает глубинные мотивы, толкнувшие героев на преступления.

Новое дело Жени Бронниковой может оказаться опаснее предыдущих: ей предстоит найти убийцу Алёны, методиста детского сада. Ее все любили – но так ли это? Жене предстоит разобраться в хитросплетениях отношений Алёны с коллегами и любимым мужчиной, при этом не разрушив собственную семью.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	46
Глава 6	52
Глава 7	58
Глава 8	69
Глава 9	83
Глава 10	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Анна Данилова

Три ступени до ада

Эффект

МОТЫЛЬКА

Редактор серии А. Осминина
Оформление серии А. Зининой

© Текст, А. Дубчак, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

26 апреля 2023 г. Женя

– Ребров, как же я тебе рада! – воскликнула Женя, впуская своего друга, следователя Валерия Реброва, домой.

Женя Бронникова с семейством, состоящим из мужа Бориса, маленького сынишки Миши и деверя Петра с его невестой Наташей, проживали в большом доме в пригороде Подольска. Борис был адвокатом и практически весь день находился в Москве, в своем офисе. Петр считал себя писателем и вечно строчил что-то в своей комнате, куда впускал только свою любовь, бездельницу Наташу. За Мишенькой присматривала няня Соня, которая часто оставалась в доме ночевать, а главной по хозяйству была Галина Петровна.

Словом, дом воспринимался Женей как живой организм, где всем положено было наслаждаться комфортом, чистотой и вкусной едой. Каждый в доме знал свое место и должен был быть счастлив.

Соня с Галиной Петровной, к примеру, четко знали свои обязанности и выполняли их по мере своих сил. Борис трудился, защищая тех, кто попал в беду. Петр, свободный художник-писатель, находящийся в постоянном творческом поиске и не совсем еще определившийся, в каком же литературном жанре он трудится, просто витал в облаках, а за-

одно и в собственных фантазиях. Кроме того, он был влюблен! Наташа же просто наслаждалась жизнью и пребывала в состоянии страстной влюбленности после того, как нашла (обрела) наконец Петра, с которым была разлучена по пока еще никому не известным причинам.

И только Женя маялась, не зная, чем себя занять, мечась между своим зимним садом, где она растила тропические растения и ухаживала за ними, большим садом под открытым небом, где ей предстояла серьезная работа по его очистке и высадке цветов, маленьким Мишей, хозяйством, и успокаивалась она только к вечеру, когда в ворота въезжала машина Бориса и сердце ее начинало биться сильнее и радостнее.

Только своей близкой подруге Антонине, живущей в самом Подольске и часто навещающей дом Бронниковых, она могла признаться в том, что, несмотря на кажущуюся занятость, она мается от скуки, понимая, что все эти хлопоты, семейные дела, ребенок и даже ее любовь к Борису – вынужденная реальность, что не это главное. Что она давно уже должна заняться чем-то более серьезным, важным и непременно тем, что у нее получается и что приносит ей удовлетворение.

Но то, чем она на самом деле хотела бы заниматься круглые сутки, было для нее пока что недостижимо: стать следователем или оперативником без юридического образования невозможно. Понятное дело, что она в скором времени нач-

нет готовиться к поступлению в Академию Следственного комитета, это уже решено. И Борис ей в этом поможет. Но что ей делать сейчас, пока сын еще такой маленький?

Последнее дело, которым они с Тоней занимались, помогая Борису, – запутанная история Эммы Финягиной, соседки, проживающей в том же поселке, что и Бронниковы¹. Личность самой Эммы, ее психологический портрет, наличие интереснейшего женского дневника, таинственный любовник зрелой женщины и готовящееся покушение на ее мужа, предавшего ее самым жестоким образом, – все это просто не могло не заинтересовать Женю с Тоней. Другое дело, что многое из того, что ей впоследствии удалось выяснить, раскрыть и удивиться, так и осталось не озвученным следователю, настоящей тайной за семью печатями.

Понятно, что, расследуя на своем, женском и, чего уж там, примитивном уровне готовящееся преступление, Женя не могла обойтись без помощи своего друга, Валеры Реброва, следователя Следственного комитета и просто хорошего, отзывчивого парня – куда без экспертиз? Но ведь бывали случаи, когда Женя с подружкой реально помогли ему в расследовании, взять хотя бы историю с сестрами в заброшенном доме...² Кто нашел, вычислил убийцу?

Ребров бывал у них не так часто, но когда появлялся, дом оживал, все словно пробуждалось, хотели сделать ему что-

¹ Читайте об этом в романе А. Даниловой «Назначаю тебя палачом».

² Читайте об этом в романе А. Даниловой «Комната для трех девушек».

то приятное и непременно оставить его ночевать.

В такие моменты Женя жалела о том, что совершенно не умеет готовить, и к столу либо подавалось то, что приготовила Галина Петровна, либо, когда домработница отсутствовала, еда заказывалась из ресторана. Правда, в последнее время пыталась приготовить что-то съедобное Наташа.

Наташа... Кажется, Женя начала привыкать к ее присутствию в доме. Внезапно и каким-то волшебным образом разбогатевшая, в доме она вела себя тихо и скромно, всем пыталась ненавязчиво помочь, и вообще Женя начала воспринимать эту улыбчивую и веселую Наташу как девушку-праздник.

Женя не раз пыталась поставить себя на ее место и каждый раз убеждалась в том, что она-то, окажись в чужом доме, пусть даже и с любимым человеком, вела бы себя совсем по-другому: наверняка дерзила бы, бунтовала, огрызалась... Причем непонятно почему. Просто такой вот неуживчивый, трудный она человек.

Женя побежала открывать дверь Реброву в садовых перчатках и фартуке – так спешила! Еще завидя его машину у крыльца, стала прикидывать, чем его угощать. Часа через два обещал вернуться из Москвы Борис. Вот он обрадуется, когда увидит Валеру! Так, что там у нас на ужин?

Женя быстрым шагом покинула оранжерею, которую все называли зимним садом, пробежала длинный коридор и распахнула дверь.

– Привет, Женечка! – Ребров, высокий статный парень в легкой куртке и джинсах, обнял ее. У него были добрые карие глаза, каштановые волосы и чудесная улыбка. – Как вы тут без меня?

– Я лично соскучилась. Честно. Пойдем! Пока никого нет, я имею в виду Бориса, посидим, поболтаем. Попозже, когда Борис вернется, поужинаем. Кофейку?

На голоса из комнаты выглянула Наташа. Блондинка с нежной кожей и огромными голубыми глазами. Белый вязанный балахон доходил ей до колен. Черные плотные колготки подчеркивали стройность ее ножек.

– Ребров? Привет! – Она по-свойски помахала ему рукой. Женю же этот жест покоробил, как если бы она приревновала Валеру к Наташе.

«Он мой, поняла?» – примерно так ответила она мысленно блондинке.

– Привет! – улыбнулся ей Ребров.

– У нас сегодня бараний бок! – радостно заявила Наташа. – Это я его испекла. Вот так!

Ну, слава тебе господи! Женя и сама не заметила, как улыбнулась ей. Точно! Бараний бок! Из кухни доносился прямо-таки божественный аромат! Так, стоп...

– Бок или ногу?

– Ой, ногу, конечно! Прямо огромную такую жирную ногу и запекла! Пока ты со своими растениями там разговаривала, я тут поколдовала. Аромат доносился по всему дому,

неужели ты не заметила?

– Да-да, – рассеянно проговорила Женя.

– Должна же я тоже чем-нибудь заниматься. Ладно, я исчезаю, понимаю, вам надо поговорить...

И она деликатно скрылась за дверью.

– Ребров, у тебя все в порядке?

– Ты прямо как в кино спрашиваешь: «Ты в порядке?» Я-то в порядке, жив-здоров, а вот на службе у меня полный завал.

Женя от счастья даже глаза закрыла, мысленно перекрестилась: Ребров приехал к ней за помощью! Ему нужна ее поддержка, ее талант расследования! И она готова ему помочь! Что угодно сделать! Хотя на Северный полюс помчаться с Тоней, чтобы собрать информацию, с кем-то встретиться, внедриться в среду и, главное, разгадать загадку преступления, вычислить преступника!

Она поставила перед Валерой чашку с кофе и села напротив него, сгорая от любопытства.

– Труп? – наконец не выдержала она, пока Ребров делал первый глоток горячего кофе.

– Да. Женщину нашли на пустыре.

Женя готова была уже завалить Реброва вопросами, как вдруг в кухню вошел, кутаясь в домашний халат, Петр. Вальяжный, красивый, белокурый, сияя улыбкой, он подошел и поздоровался с Ребровым:

– Привет, Валера! – И, уже обращаясь к Жене: – Можно

и мне чашечку кофе?

Глава 2

2 апреля 2023 г. Таня

У нее все было необычное, красивое, оригинальное, не такое, как у всех. И сама она тоже была как бы не от мира сего. Все актрисы как актрисы: приглашают к себе на дачу коллег, поклонников, устраивают вечеринки, жарят шашлыки, распивают шампанское, да что там, пьют водку, закусывая икрой... а Лариса Туманова почти всегда на даче одна. Отсыпается, отдыхает, книжки читает (Таня часто видит ее в плетеном кресле с книжкой в руках), роли учит, музыку классическую слушает, молоко пьет. Кстати, молочку ей приносит та же женщина с редким именем Таисия, что и Тане.

Дачи расположены в сосновом бору, все хорошо просматриваются, нет заборов, нет грядок, только сосны и цветочные клумбы. И воздух такой, словно душистый хвойный настой выпиваешь, как сделаешь вдох.

Тане дача досталась от бабушки, известной художницы, которая всю жизнь провела здесь в уединении, работая над своими натюрмортами и пейзажами. Родители давно уже купили дом в Николо-Хованском и жили там спокойно, сдавая свою московскую квартиру. Родители мужа Тани, Андрея, жили в Челябинске. Хорошо, что далеко. Никто не мешал молодоженам вить свое гнездо сначала в Москве, в квартире

Андрея, а потом, после рождения дочки Машеньки, здесь, в Сосновом Бору, куда семья переехала в конце марта прошлого года. Газа, понятное дело, не было, отапливались электрическим котлом, и в доме всегда было жарко. Но главным был, конечно, воздух. И сосны. Здесь был настоящий рай!

Таня очень любила эту дачу. После смерти бабушки перевезли все ее картины и вещи в Николо-Хованское, к родителям, на даче сделали ремонт, провели коммуникации, перестроили, расширив, веранду, и почувствовали себя счастливыми обитателями лесного дома. Муж Андрей работал в строительстве, хорошо зарабатывал, но очень уставал. Возвращался домой вечером, Таня встречала у крыльца, радовалась ему, подавала полотенце, кормила ужином, делала ему массаж больной спины и чувствовала себя при этом вполне счастливой.

Машеньке было три месяца, когда они в прошлом году переехали в Сосновый Бор. Сейчас ей год и три, но все равно совсем еще кроха. Аппетит у нее отменный, сон крепкий, а потому, сделав все дела по дому, Таня откровенно скучала, не зная, чем себя занять, кроме телевизора. Разве что почитать книжку, как Лариса?

На контакт, чтобы дружить по-соседски, актриса не шла, видимо, дорожила своим спокойствием. И вдруг однажды сама пришла и спросила Таню, не сможет ли она последить за ее комнатными растениями.

Таня поначалу растерялась, долго собиралась с мыслями,

и тогда Лариса, по-своему поняв причину ее молчания, сказала, что будет ей за это платить.

С одной стороны, Тане было немного не по себе, все-таки работа легкая и занимает не много времени и усилий. Но с другой стороны, заплатив, Лариса и сама чувствовала бы себя спокойнее. На том и порешили.

И вот теперь в отсутствие хозяйки Таня время от времени наведывалась к ней в дом, поливала цветы и, пользуясь случаем, могла подсмотреть для себя что-то интересное, полезное из жизни актрисы.

Конечно, ее интересовало все, что имело отношение к Ларисе как к женщине: гардероб, косметика, духи. И она, хоть и находясь в напряжении из страха, что хозяйка может возникнуть на пороге в любую минуту, открывала шкаф, рассматривала одежду актрисы, а иногда и примеряла. Конечно, это была всего лишь дача, а потому и одежда здесь была как бы простая: какие-то свитера, балахоны, туники, джинсы... Но с другой стороны – и непростая, оригинальная! Кто-то же вязал ей эти цветные интересные свитера, воздушные голубые и белые кофты, кто-то шил юбки, украшая их кружевом и вышивкой. А эти батистовые рубашки с кружевом! А ботиночки или сапожки! Все – настоящие произведения искусства! Что уж говорить о бижутерии? Все стильное, роскошное, невероятное! То брошка из зеленого стекла и жемчуга в виде веточки ландыша, то бусы из цветного стекла, то браслет из кожи с камнями...

Но больше всего Тане понравились необычные бусики из трех ниток мелкого речного жемчуга, между которым были вплетены разноцветные камушки розового, зеленого и голубого стекла... Рассмотрев хорошенько, как они сделаны, сфотографировав их, Таня поехала в Москву, накупила необходимых камушков, жемчуг и сама смастерила себе точно такие же бусы.

Лариса Туманова снималась много: и в сериалах, и в хорошем кино, не гнушалась и рекламы. И везде она была как бы собой – женственная, нежная, открытая к любви... Но почему-то ни разу здесь, на даче, Таня не видела рядом с ней мужчин. Были женщины, подруги, но вели они себя тихо, разговаривали на веранде за самоваром, пили чай, может, и вино, но никогда эти посиделки не заканчивались пьяными разговорами, смехом.

После того как женщины договорились об уходе за растениями, Лариса перевезла на дачу еще больше растений. Больше всего Тане нравилась пышная зеленая араукария. Ухаживая за этой домашней елкой с мягкой, нежной хвоей, Таня в восхищении перед этой красавицей даже целовала ее ветки. Мечтала и сама прикупить араукарию и даже придумала, куда поставит: в гостиной возле окна.

Наряжаясь в одежду актрисы, Таня пыталась представить и себя где-нибудь на съемочной площадке – вот интересно, сочли бы ее красивой или нет? Маленькая белокожая брюнетка, очень стройная, как балерина. Маленькая... Вот, точ-

но. Она маленького роста. Но красивая же! И фигурка что надо! И кого бы она хотела сыграть? Героиню любовной драмы? Или тихую такую мошенницу, на которую никто бы не подумал...

Как-то раз, находясь у соседки в доме, набросив на себя цветную шаль Ларисы, Таня крутилась перед зеркалом, представляя себя актрисой, как вдруг до нее донесся звук мотора. Автомобиль?

Таня мгновенно сорвала с себя шаль и сунула в шкаф, быстрым взглядом оглядела комнату, все ли в порядке, не оставила ли она следов преступления, и кинулась к окну посмотреть, кто приехал. Хотя как – кто? Конечно, Лариса!

Но не увидела ее машину. И вдруг, всмотревшись в хвойную зелень, похолодела: за соснами, рядом с ее собственным домом, стоял желтый автомобиль – такси! Это к ней, оказывается, кто-то приехал, а ее дома нет и дом открыт, а там – маленькая Маша.

Таня, набросив куртку и сунув ноги в кроссовки, выбежала из дома, по дороге вспоминая слова мужа о том, что, живя в лесу, неплохо было бы иметь в доме хоть какое-нибудь оружие, так, на всякий случай, понимая, что совершенно не готова к встрече не то что с бандитами (и чего только в голову не взбредет?), но и просто с незваными гостями. Что она так уже привыкла жить здесь в уединении, что даже в какой-то мере одичала. Причем «одичалость» ей эта, в сущности, нравилась. Она и не помнила, когда последний раз

встречалась с подругами. Единственными гостями здесь, в Бору, были друзья Андрея со своими женами и детьми. Но и это бывало редко.

Неужели родители Андрея прилетели из Челябинска, чтобы сделать им сюрприз? Или ее родители? Но они тоже бывают здесь редко, в основном Таня сама навещает их в Николо-Хованском, так уж повелось. Да и с какой стати они приехали бы сюда на такси?

Не успела она добежать до дома, как машина развернулась и уехала. Странно... Так кто же приехал?

Она быстро взлетела на крыльцо, распахнув дверь, ворвалась на застекленную веранду и хотела было уже войти в дом, как вдруг боковым зрением заметила в ярком солнечном потоке, бьющем через стекла, темное пятно. Вскрикнула...

– Ну, привет, Танечка, – донеслось из солнечной жаркой мути, и постепенно совсем близко от ее лица проступило лицо ее мужа.

Но не того, с розовым, обветренным и тщательно выбритым лицом и аккуратной стрижкой, которого она утром кормила завтраком и провожала на работу, а другого – заросшего, с потемневшими глазами и впалыми щеками.

Это был его брат. Тот самый брат, о котором она так много слышала, но ни разу не видела. Брат, с которым Андрей проживал веселое беззаботное детство в играх, рыбалках и разных приключениях. Сколько историй она услышала о невероятном и горячо любимом брате, об его талантах и харизме!

Но все эти рассказы почему-то всегда были связаны именно с детством. Чем же занимается брат сейчас, есть ли у него семья – ничего об этом Тане не было известно. И когда она пыталась спросить об этом, муж уходил от ответа, говорил, что не все в жизни брата складывалось удачно, что виной всему его неуживчивый характер, что ему в жизни повезло куда меньше, чем Андрею. И никаких подробностей.

– Понимаю, напугал. Не бойся. Я – Виталий. Брат Андрея.

И тут ее отпустило. Даже уже понимая, что она видит перед собой брата мужа, она какое-то время еще находилась в ступоре, словно ей важно было подтверждение ее догадки, важно было, чтобы он сам представился, назвал свое имя.

– Да, я так и поняла. Неожиданно...

– Хотел сделать сюрприз.

Он смотрел на нее тем гипнотизирующим, немигающим взглядом сильного человека, которому все вокруг подвластно. Тяжелый и проникающий в самое сердце взгляд.

Она растерялась. Если бы он был другой, хотя бы такой же, как и Андрей, обыкновенный, она набросилась бы на него с упреками, мол, напугали, дом открытый, здесь маленький ребенок, а мы живем в лесу...

С этим же человеком сразу начинаешь чувствовать себя виноватой, неправой. Впору было извиняться перед ним за то, что она не сразу узнала его, что не поприветствовала как близкого родственника мужа.

– Так он не знает, что вы приехали?

– Давай на «ты».

Она кивнула, хотя не готова была даже так сближаться с ним. Еще промелькнула совершенно сумасшедшая мысль, что это никакой не Виталий, а ее Андрей (одно лицо!). Что он как бы проверяет ее, хочет узнать, как она может вести себя в его отсутствие, когда перед ней появляется мужчина.

Дичайшая, нелепая мысль! И что вообще творится с ее мозгами? Почему она стоит перед ним, словно навтыжку, ожидая приказаний?

Наконец она взяла себя в руки.

– Что же мы стоим? Проходите, пожалуйста.

– «Проходи», – поправил он ее. – Мы же теперь на «ты».

– Я позвоню Андрею, обрадую? – Она уже толкнула перед собой дверь и вошла в прихожую, машинально разулась.

В доме было так тепло, что ее ноги даже сквозь носки почувствовали теплый ковер. Как хорошо было бы, если бы никто не приезжал, если бы она просто вернулась домой, приготовила бы кофе, поиграла с Машенькой... А так... Он стоит за ее спиной в ожидании ее просьб, приказов, каких-то дежурных слов, мол, проходи, будь как дома... Да ничего подобного! Она вовсе и не хочет, чтобы он чувствовал себя как дома. Она хочет, чтобы он исчез!

– Проходите, пожалуйста, вот сюда. Давайте я заберу вашу куртку, а сумку поставьте пока вот здесь, у дивана. Когда я приготовлю вам комнату, перенесем туда.

Она старалась не смотреть на него. И все еще чувствуя

за спиной его присутствие, быстрым шагом направилась в детскую комнату, проверить, все ли в порядке с Машенькой.

Малышка крепко спала, золотой завиток прилип к алой влажной щечке. Какая же она счастливая, что маленькая и полностью погружена исключительно в себя. И ей нет никакого дела до того, что в доме появился незнакомый мужчина. И ей не надо стараться строить с ним отношения. Не надо вообще думать о том, как ей с ним себя вести.

Таня не могла понять, откуда вдруг эта напряженность, скованность: неужели она на самом деле, живя здесь, стала бояться людей?

Вернувшись в гостиную, она застала Виталия стоящим возле окна. Высокий и очень худой, в черном свитере и черных джинсах, с взъерошенными густыми волосами, он выглядел уставшим.

Повернулся, и взгляд его карих глаз полоснул по Тане как ножом. Что это было? Ненависть? Злость? Откуда вдруг этот колючий, холодный взгляд?

– Ты издалека? – Она подумала, что так зарости, устать и похудеть мог человек, который проделал долгий путь.

– Да. С Севера. Замерз, – произнес он и вдруг широко улыбнулся. – Ты чего вся скукожилась-то? Чего испугалась? Банька-то у вас есть?

– Есть, но ею занимается Андрей. – Она развела руками. – Но у нас есть горячая вода, само собой, душ, ванна.

– Ты себе представить не можешь, как давно я мечтаю по-

мыться.

– Хорошо, я сейчас все приготовлю.

И она, почему-то снова испытывая чувство неловкости и стараясь не смотреть в его сторону, отправилась в ванную комнату, достала из шкафчика два больших полотенца, поставила на полочку так, чтобы гость увидел сразу, как войдет, мужской шампунь, гель для душа и даже пакетик с бритвами и баллон с пеной для бритья.

– Вы проходите в ванную комнату, а я приготовлю вам поесть.

– Спасибо, Танюха! Я пошел!

И он заперся в ванной.

Да, не получается у нее пока что перейти на «ты». И почему-то ее сильно тяготит присутствие этого Виталия. Откуда он приехал? Чем занимается? Есть ли у него семья? И почему он не предупредил брата о своем приезде? А как узнал адрес? Получается, что братья общались? Перезванивались, переписывались.

На кухне она почувствовала себя немного поспокойнее. Поставила разогреваться суп, достала солености, нарезала хлеб, включила чайник, чтобы заварить свежий чай.

За окном сумерки налились лиловыми красками, черными зловещими контурами обозначились огромные сосны.

Где-то в глубине дома плакал ребенок. Таня, обессиленная и мокрая, не успевая подбирать губами катящийся по

лицу пот, сидела на коленях мужчины, не в силах подняться.

– Он может появиться с минуты на минуту, – прошептала она. – Надо включить везде свет. И оденься уже...

Глава 3

23 апреля 2023 г. Герман

Дети притихли в своих комнатах: десятилетняя Оксана рисовала акварелью, четырнадцатилетний Егор играл за планшетом. Сам Герман с бутылкой пива сидел на диване в гостиной и смотрел боевик.

Уже стемнело, а никто не вспомнил про ужин. Словно в отсутствие матери никто и не проголодался. Хотя, подумал Герман, стоит ей вот сейчас прийти, как сразу все словно расколдуются, оживут, начнут кружиться по квартире в ожидании ужина, будут виться вокруг матери, вдыхая аппетитные запахи готовящейся еды.

Но было уже почти девять, а Алена так и не проявилась. Не отвечала на звонки и сообщения Германа, что было на нее совсем не похоже. Конечно, такое бывало не раз, когда она так задерживалась, но всегда предупреждала или, во всяком случае, отвечала на звонки. Она могла задержаться у своей подружки Галки, с которой они все никак не наговорятся, могла зайти в торговый центр и, забыв про время, делать покупки, а потом взять себе чашку кофе, купить моментальные лотерейные билеты и, удобно расположившись за столиком, с удовольствием чистить их монеткой, получая от этого только ей одной из их семьи ведомое удовольствие. Могла

застрять в пробке, но это уж вряд ли: с работы она добиралась на метро и точно знала время, которое уходит у нее на дорогу.

Прошел еще час, надо было уже что-нибудь приготовить.

Герман, недоумевая, куда могла запропасться его жена, отправился на кухню, поставил вариться спагетти, достал из кладовки томатную пасту, порезал помидоры, почистил чеснок и начал готовить соус. На аромат прибежала Оксана, потянула носом, заглянула в сковородку с соусом и показала отцу «лайк».

– Спагетти? – подмигнула она.

– Да, – ответил он в ожидании следующего вопроса: «А где мама?» – но Оксана убежала.

Потом пришел, потягиваясь и зевая, Егор.

– Где мать-то? – спросил, склоняясь над сковородкой и вдыхая запах соуса. – Снова у тети Гали?

И тут Герман понял, что до сих пор не позвонил Галине.

Она не сразу взяла трубку. Герман представил себе даже, как они, подружки, сидят за столом, потягивая вино, а телефон, к примеру, надрывается в другой комнате.

Нет, она не знает, где Алена. Предположила, что еще в детском саду. Может, документацию оформляет. Она же методист, у нее полно всякой писанины бестолковой. Так и сказала: «бестолковой».

Тогда Герман позвонил на работу жены, хотя они давно уже договорились с Аленой, что туда звонить не надо, толь-

ко в самом крайнем случае, что трубку наверняка возьмет заведующая Нина Михайловна, а у нее с ней сложные отношения. И не стоит лишний раз давать ей пищу для унижительных расспросов. Но разве сейчас не тот самый крайний случай?

Как он и предполагал, трубку взяла заведующая. Едва услышав ее голос, Герман поморщился, как если бы ему прищемили палец. И даже втянул воздух сквозь зубы. Вот черт!

– Добрый вечер, Нина Михайловна. Скажите, Алена на работе?

– Добрый вечер, Герман, – услышал он мягкий женский (как сказала бы Алена, лисий) голос. – Нет, ее давно нет. Она сегодня в библиотеку должна была поехать, чтобы договориться о встрече с детским писателем. Еще должна была отвезти плотнику холсты – она готовит большой стенд...

– Хорошо, я понял. Извините, пожалуйста.

– Да что вы? Все нормально. Вернется ваша Аленушка, не пропадет. Такие, как она, не пропадают. Доброго вам вечера, Герман.

Ну вот! Все-таки сказала гадость. Просто так. Какая неприятная женщина, и как только Алена с ней работает?

Герман слил макароны, вывалил их в сковороду с соусом и тщательно перемешал. Но как ни старался делать это аккуратно, все равно несколько томатных капель попали на футболку.

– Егор, Оксана, идите ужинать!

За окном стало уже совсем темно, Алена так и не пришла, и никто – ни даже сам Герман, ни дети – особо не переживал. Может, заведующая и права: такие, как Алена, не пропадают?

Все были уверены, что она вернется с минуты на минуту. Ну и что, что на звонки не отвечает, разные обстоятельства бывают. Может, разрядился телефон или она его где-то оставила, у того же плотника или в библиотеке. У нее же полно разных дел. Она постоянно в движении, куда-то ездит по делам, с кем-то встречается, делает покупки, навещает родителей, хлопочет перед этой же Ниной Драконовой за своих воспитателей, вечно защищает их перед ней... Вот, кстати! Может, она встречается со своими коллегами по работе? Может, у кого-то день рождения и они в кафе отмечают? А там музыка и никто не слышит звонков? Но тогда почему же она не предупредила Германа, что задержится? Должна была. Может, закружилась?

Герман уложил посуду в посудомоечную машину, прибрался на кухне, пожелал детям спокойной ночи и вернулся в гостиную с бутылкой холодного пива. Что делать? Где ее искать?

Он так и не открыл бутылку. Ходил по квартире в полной растерянности, словно надеясь увидеть жену где-нибудь в ванной комнате или спальне, потом замирал на несколько секунд, вслушиваясь в тишину квартиры, и тогда ему казалось, что лифт поднимается, что вот сейчас он остановится

на их этаже и в дверь позвонят... Хотя, нет, она не станет звонить. Она достанет свои ключи и тихо, стараясь не шуметь, откроет дверь. Увидит мужа и, смешно так сморщив нос, извинится, мол, Герочка, прости, заглянули в кафешку с девчонками, выпили, совсем потеряла счет времени...

Между прочим, иногда она ночует у родителей! И почему же Герман до сих пор им не позвонил? Потому что Алена просила его лишний раз не тревожить их.

Точно! Она у родителей! Скорее всего, с матерью что-нибудь случилось, давление поднялось. Но почему она не позвонила? Если телефон разряжен, она могла его подзарядить у них...

Он позвонил. И сразу же отключил телефон. Если ее там нет, он их разбудит. Что он наделал? Они же сейчас перезвонят ему!

«Ксения Андреевна» – высветилось на дисплее, теща звонит. И что он ей сейчас скажет?

– Гера? Ты звонил? – услышал он строгий голос.

Она явно не спала. Снова бессонница мучает.

– Извините, нечаянно нажал... – соврал Герман, не зная, что говорить дальше, сейчас же начнутся расспросы.

– У вас все нормально?

– Да, Алена уже спит... У вас как дела? Все в порядке?

– Да, спасибо. Вот только уснуть никак не могу, никакие таблетки не помогают. Ладно, сейчас вот сериал досмотрю, может, и усну. Вы были сегодня на даче?

И тут Германа словно током ударило, он словно пришел на время в себя, даже замотал головой, сбрасывая оцепенение и какую-то болезненную муку: сегодня же воскресенье и они на самом деле могли поехать на дачу! А он, дурак, звонил в детский сад в выходной день (!), и там, как нарочно, торчала одинокая и никому не нужная заведующая. И почему-то именно в воскресенье Алена должна была договариваться о встрече с детским писателем!

– Нет, не были.

– Ну и ладно. Прохладно еще. Хотя наши друзья живут на даче с начала марта... Ладно, Гера, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Так, значит, она не у них. Тогда где же?

Он заглянул к детям. Егор уснул в постели, но в обнимку с включенным планшетом.

Герман осторожно забрал его, отключил и положил на стол. Укрыл мальчишку одеялом.

Оксана спала, прижав к груди плюшевого кролика – поделку одной из родительниц детского сада. Белый симпатичный кролик с розовыми ушами.

Поправив одеяло, он склонился и поцеловал дочку в щеку. Вернулся в гостиную.

Вот где она может быть?

Глава 4

27 апреля 2023 г. Женя

Она затащила его в зимний сад, чтобы им никто уже не смог помешать поговорить.

– Значит, личность убитой не установлена. Как, говоришь, ее убили? Удушили? Она была изнасилована?

– Эксперт говорит, что вряд ли изнасилована, скорее всего, у нее незадолго до смерти был половой акт. Ее удушили, по всей видимости, подушкой, даже следов рук на шее нет. Она и не сопротивлялась, не боролась. Ее не били. Просто кто-то набросился на нее, возможно, спящую и удушил, – сказал Ребров. – Одежда тоже в порядке. Женщина ухоженная, здоровая, рожавшая. Ее точно должны искать. Может, завтра появится информация. Но пока что установить личность не представляется возможным.

– Она красивая? – вырвалось у Жени, и она, как это часто с ней бывало, тотчас пожалела о вопросе.

Даже стыдно стало. Ребров может подумать, что она спросила его о внешности жертвы из любопытства, ему и в голову не придет, что это может быть связано непосредственно с преступлением и, уж конечно, способно помочь следствию.

– Не думаю, что ее можно назвать красавицей, хотя она высокая, стройная, с белыми кудрявыми волосами, но вот

лицо...

– Что с лицом не так? Валера, возьми меня завтра с собой, я хочу на нее взглянуть, – взмолилась Женя.

– Жень, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя нездоровое пристрастие к убийствам и трупам? – попробовал пошутить Ребров.

– Да, мой муж. Сам знаешь. Но что поделать, когда меня на самом деле интересуют подобные дела? Понимаешь, мне всегда было интересно узнать, какие же сильные чувства испытывает человек, решившийся убить. Ведь убить себе подобного – это ли не расстройство психики? Вот кто, к примеру, мог удушить молодую женщину? И главное, за что? Это какую же ненависть к ней он должен при этом испытывать? Или страх?

– Знать бы...

– Вот ты, Валера, всегда действуешь как профессионал. Проводишь допросы, изучаешь результаты экспертиз, ты четко идешь по следу, проторенному уликами, свидетельскими показаниями. Но ты никогда не задумывался о личности убийцы? Хотя... что это я? Конечно, задумывался. – Женя вздохнула. – Вот кому, кому понадобилось убивать эту женщину?

– Сама знаешь, мотивов может быть множество, – сказал Ребров. – Ну просто очень много. Она могла навредить кому-то, и человек ей отомстил. Могла кого-то тоже в свое время убить. Могла быть свидетельницей преступления, и ее за

это решили убрать. Она могла быть наследницей крупного капитала, да хотя бы просто из-за квартиры! Говорю же, полно мотивов. Но только установив личность, характер жертвы, мы можем попытаться вычислить, кто мог это сделать.

— Ее, кстати говоря, могли убить и по ошибке, об этом тоже надо помнить, — рассуждала Женя, на миг забыв, что беседует не со своей подружкой Антониной, а со следователем Следственного комитета, с настоящим профессионалом. — Но вернемся, однако, к ее внешности. Как ты думаешь, почему я спросила тебя, красивая ли она была? Ведь в жизни женщины большое место занимает любовь. И самое жгучее чувство, которое испытывают влюбленные люди, — это ревность. Измена. Что, если она, привлекательная женщина с бурной личной жизнью, изменила мужу и он убил ее?

— Да, конечно, и такое бывает, и муж, как правило, в этой истории становится первым подозреваемым. Но, повторю, она точно не красавица...

— Значит, муж...

— Да. От любви до ненависти, сама знаешь... И вот тогда меня, как и тебя, интересует личность мужа, потенциально-го убийцы: если он муж, то как он мог, убив жену, с которой прожил бок о бок и которую когда-то любил, отвезти ее труп на тот же пустырь, к примеру? Ты понимаешь, о чем я? Ведь он же с ней спал рядом, обнимал ее когда-то, любил, повторяю, и вот он ее убивает — и ему уже все равно, где он бросил ее труп? Тело, которое он так любил и желал, можно вот так

запросто отправить на свалку?

– По-моему, мы с тобой слишком сентиментальные для этого дела, ты не находишь?

– Да нет, не в этом дело. Просто я, как и ты, не могу привыкнуть к смерти. Слишком уж часто приходится ее видеть. К этому невозможно привыкнуть.

– Смерть... Хочешь, я расскажу тебе, как я представляю себе смерть?

– Ты уверена, что хочешь поговорить на эту тему, тем более на ночь глядя?

– Да. Смерть – это когда ты заходишь в темную комнату и за тобой захлопывается дверь. И все – темнота. Ты ничего не видишь и не слышишь. И главное, никто уже эту дверь не откроет. Вот почему я не боюсь смерти. Я, когда захожу в кладовку, в темную кладовку, причем я нарочно не включаю свет, то представляю себе, что темнота – это то, что больше всего похоже на смерть.

– Ты ненормальная. Зачем ты делаешь это? Тебе не страшно?

– Пытаюсь представить себе, что нас всех ждет.

– Я не верю тебе. Это глупость, честное слово!

Дверь открылась, вошел Борис.

– И о чем это вы тут шепчетесь? – Он прищурил глаза и покачал головой. – Снова решила ввязаться в какое-то дело? Пытаешь Валеру?

– Да, Боря. Что поделать, если у меня натура такая – де-

лать все тебе назло? Вот ты говоришь: «Сиди дома», – а меня так и тянет из него, так и хочется что-нибудь порасследовать, напрячь свои мозги и помочь следствию. Давай ты посиди дома хотя бы пару дней, а я посмотрю на тебя. Да ты взвоешь от скуки!

– Женечка, успокойся. Не надо делать из меня домашнего тирана.

– Да мне надоело уже прятаться от тебя, врать тебе, что я поехала за памперсами в Москву, хотя на самом деле у меня дело на Северном полюсе... Я предупреждала тебя еще тогда, давно...

– Тссс... Успокойся, прошу тебя. Сейчас, когда у нас есть няня да и Мишка, к счастью, спокойный, я вовсе не против того, чтобы ты занялась чем-то полезным. Но ловить убийцу... ты извини меня.

– Да какой еще убийца? – взвилась Женя. – И вообще, дела-то никакого конкретного нет. Просто я спросила Валеру, как у него дела. Что нового? Есть ли интересное дело? Может, ему помощь наша нужна. Может, надо познакомиться со свидетелем, разговорить... Может, поехать на место преступления, куда-нибудь в лес, осмотреть его, или побывать в квартире, где совершено убийство, тоже поискать улики... Ты же знаешь, я внимательная, всегда подмечу что-то важное. Я это страсть как люблю. Можешь считать меня извращенкой, но что поделать, если я такая?

– Женя, да успокойся уже! Честно говоря, я пришел ска-

зять спасибо за ужин и спросить: не собираешься ли ты спать?

– Сейчас приду, – насупилась Женя. – А спасибо за ужин надо сказать Наташе. Это она приготовила баранину.

– У нас новое дело, – внезапно сказал Ребров. – Три дня тому назад труп молодой женщины обнаружили на пустыре. Личность пока не установлена. Вот рассказываю Жене. Хочу, чтобы и ты знал.

– С вами все понятно. – Борис махнул рукой и ушел, бормоча что-то себе под нос.

– С одной стороны, я его понимаю, он боится за меня, – сказала расстроенным голосом Женя, – но с другой... Если всего бояться, то как вообще жить?

Она понимала, что все это пустые слова. И ценила, конечно, произнесенные Борисом слова. По сути, он только что сообщил ей, что не против того, чтобы она занялась чем-то полезным. Но ведь тут же как бы пошел на попятную – не станет же она ловить убийцу! А что еще можно делать, когда убит человек? Разве цель любого расследования не поиск убийцы?

– Ладно, Женька, пойдем спать. Утро вечера мудренее. Может, узнаем завтра имя этой блондинки.

– Так ты возьмешь меня с собой в морг?

– Конечно, возьму. Вот только Борис меня приберет...

– Знаешь, что я решила? Больше не буду ему врать, мне и самой это противно и неприятно. Вечно прошу кого-нибудь

меня прикрыть, словно я совершаю преступление. Сам знаешь, сколько раз меня спасал Петр. А больше не буду. Вот пойду и прямо сейчас скажу Борису, что завтра мы с тобой едем в морг.

– Вот он обрадуется... – Ребров развел руками.

Перед тем как отправиться в спальню, Женя проводила Валеру до двери комнаты, где он всегда ночевал, когда гостил, и которую все домочадцы называли «ребровской», затем по-хозяйски заглянула на кухню, все ли там в порядке. Заглянула в детскую, где сон маленького сынишки охраняла, слегка похрапывая, няня Соня. И только после этого пришла в их супружескую спальню.

Борис в постели читал при свете настольной лампы. Увидев жену, отложил книгу и внимательно посмотрел на нее:

– Я помогу тебе подготовиться к вступительным экзаменам в академию, обеспечу необходимой литературой. Раз уж у тебя все так серьезно, раз ты настроена на эту профессию следователя, то вперед! Я никогда не буду тебе препятствовать. Ты поняла меня? Об одном прошу: держи меня в курсе того, где ты и с кем, мне это важно. Ну, и помни всегда, что я за тебя переживаю. Будь предельно осторожной. Ты можешь мне это пообещать?

– Участвовать в перестрелках не буду, обещаю, – улыбнувшись и все еще не понимая всей серьезности просьбы мужа, ответила Женя.

– Ты все шутишь... Все-то у тебя легко. Не так давно вы с

Тоней пытались ловить убийцу-дезертира в доме Эммы Финягиной. Думаешь, я забыл? Да я чуть с ума не сошел, когда узнал! Давай договоримся, что всегда, когда ты соберешься сунуть свой любопытный нос куда-нибудь, где опасно, то предупредишь нас с Ребровым. Ты просто женщина, легкая на подъем, увлекающаяся, дерзкая, умная, и тебя захватывает, завораживает расследование, но твоя беда в том, что ты относишься к процессу расследования с какой-то непрости-тельной легкостью, я бы даже сказал, легкомысленностью. Это для вас с Тоней словно игра! Словно вы играете в кино! Но там, где совершаются убийства, всегда опасно. И если ты, к примеру, подберешься к преступнику совсем близко, когда он почувствует аромат твоих духов... Женя, ты слы-шишь меня?

Женя, которая слушала мужа, переодеваясь в ночную сорочку, замерла и утвердительно кивнула:

– Да все я слышу, Боря! Он почувствует аромат моих ду-хов и...

И что дальше, подумала Женя.

– Тебе смешно? Да, соглашусь, ты со своими мозгами на самом деле можешь вычислить убийцу быстрее всех, вероятно, ты обладаешь определенным талантом. Так вот: чтобы спастись, убийце проще всего будет убрать тебя. Вот скажи, ты воспринимаешь сейчас то, что я тебе говорю?

– Ты объясняешь мне, Боря, какие-то совсем уж прими-тивные вещи. Лучше бы купил пистолет...

И она нырнула в постель, прижалась к мужу и закрыла глаза. Под одеялом она почувствовала, как он обнял ее и прижал к себе.

– Ты дуручка на самом деле или только притворяешься? – спросил он ее, целуя.

– Не знаю пока еще... Думаю, что все-таки притворяюсь.

Утром, позавтракав, все трое поехали по делам в Москву. Борис один на своей машине, Женя – с Ребровым.

– Знаешь, а ведь я в первый раз вот так открыто сказала Боре, что еду с тобой в морг, – радостно сообщила Женя, глядя в окно на легкую зеленую дымку утреннего леса, мимо которого они пролетали. – И так легко на душе, спокойно. Надоело уже от него прятаться.

– Интересно, надолго ли его хватит, – не смог промолчать Валера.

– Если я буду осторожна, то надолго.

– Я напомню тебе, что мы едем в морг.

Тело выкатили из холодильника, и Женю чуть не вырвало. Она представляла себе труп, прикрытый простыней, то есть как бы свежий, который мало чем отличается от живого человека. Но прошло три дня, и женщина выглядела просто ужасно, страшно.

Да, она была при жизни высокая, и волосы у нее белые, кудрявые, все как и рассказывал Ребров, но лицо... У нее были высокие скулы, глубоко запавшие глаза, нос с горбин-

кой и, что сильно портило внешность, сильно выпирающая верхняя челюсть. Сейчас рот покойницы был приоткрыт и видны ровные белые крупные зубы. Вот что имел в виду Ребров, когда говорил про ее лицо. Вот что портило внешность убитой – эта челюсть.

Не могла не заметить Женя и некоторых особенностей тела. Длинные стройные ноги (пальцы покрыты вишневым лаком), плоский живот со следами кесарева сечения и совсем маленькая, но с большими коричневыми сосками грудь. В области лобка треугольник золотистых редких волос. Ногти на руках были покрыты таким же лаком.

Здесь история не про любовь, подумала Женя, выходя из морга на свежий воздух.

Ребров посадил ее, пошатывающуюся, в машину и отвез в близлежащее кафе, где угостил булочками и кофе.

– Тяжелая у тебя работа, Ребров.

– Да уж... Ты сейчас куда?

– Не знаю еще. Подожду, когда выясните, кто она такая. Да, вот, чуть не забыла! Где ее одежда? Украшения, если они были?

– У меня в кабинете, в сейфе.

– Значит, ее не ограбили?

– Похоже, что нет.

– А что с ее вещами будешь делать потом?

– Пока идет расследование, все будет у меня или в специальном хранилище, а потом вернут родственникам.

– А если труп не криминальный, к примеру?

– Ну и вопросы задаешь! Одежду трупов, если родственники не находятся или от них отказываются, зашивают прямо в труп. Вот так.

– Мамадарагая... – Женя прикрыла рот рукой.

– Ты уверена, что тебе хочется быть следователем? Поверь мне, Женечка, это грязная, опасная и трудная работа. Явно не для такой нежной женщины, как ты. Подумай над этим перед тем, как впрячься в подготовку к поступлению в академию. Конечно, ты в любой момент можешь это дело бросить, но как ты потом посмотришь в глаза Борису?

– Я подумаю, – сказала, поморщившись, Женя и допила кофе. – Поедем к тебе, Валера. Хочу посмотреть на ее одежду. Поверь мне, одежда, белье и украшения женщины расскажут мне немало.

Ребров постелил на стол газету и вывалил на нее содержимое большого пакета, извлеченного из сейфа.

– Постой, дам тебе перчатки. – Он достал из ящика стола коробку, откуда вытянул белые тонкие латексные перчатки.

Женя, не спуская взгляда с вороха одежды, натягивала перчатки.

Какая безвкусица! Желтое длинное платье в мелкий цветок, отрезное по талии, с рукавом три четверти, и серый строгий жакет. Колготки телесного цвета, кремовые туфли из натуральной кожи с маленьким каблуком. Это и понятно,

женщина-то она высокая. Одежда и обувь недорогие, купленные либо на рынке, либо на распродаже в супермаркете. А вот белье: маленький бюстгальтер и трусики, все кружевное, изящное, – дорогое. Кто бы мог подумать?

Украшения – тонкая золотая цепочка со скромным кулоном в форме солнца, длинные, прямо-таки цыганские серьги из явно позолоченного серебра, аляпистый перстенок с янтарем, скромные жемчужные бусы, украшенные разноцветными камнями, и очень странный браслет из каких-то трубочек.

– А это что такое? – спросила она Реброва, крутя в руках браслет. – Из чего он сделан?

– Ты не поверишь – это цветные макароны!

– Что? Ты серьезно? Это что, новый бренд такой?

– Думаю, это детская поделка. Может, ее дочка в детском саду сделала или в школе и подарила маме.

– Надо же!

Ребров ознакомил ее с результатами вскрытия. Жертва незадолго до смерти пила вино.

– Она была здоровая, явно не злоупотребляла алкоголем и не курила. И могла бы прожить еще лет сто! Ну что? Увидела ее, рассмотрела ее одежду. Что можешь сказать?

– Ничего. Разве что очевидное: рожала, любила свою дочку или сына. Жила половой жизнью. Напрочь отсутствовал вкус. Одежда – кошмар. Украшения – тоже. Янтарь, жемчуг, какие-то цветные камушки, серьги эти чудовищные... И в то

же самое время – дорогое белье.

– Может, подарил кто?

– Может, и так. Или же она таким вот образом проявляла любовь к себе, понимаешь? Один такой лифчик двадцатку стоит, и трусы – тысяч семь. Если у нее были такие деньги, то почему же она не купила себе приличные украшения? Получается, что для нее белье было важнее. Быть может, она скрывала свои доходы? Ох, Валера, разное в голову лезет. Осмотрела ее руки, пальцы – не видно, что физически утруждалась. Мозолей нет, маникюр дорогой, свежий. Кожа на руках гладкая. Волосы... Я не уверена, конечно, но мне показалось, что она натуральная блондинка и что кудри ее тоже естественные. При ней не было сумочки, к примеру?

– Сумочку ей подавай! – хохотнул Ребров. – Да если была бы сумочка да в ней паспорт, мы бы давно уже знали, кто она такая.

Реброву пришло сообщение. Он долго смотрел на экран телефона, потом молча протянул его Жене.

– Смотри фото... Муж разыскивает свою жену, пришел с фотографией. Узнаешь?

Женя вся покрылась мурашками: с экрана на нее смотрела залитая солнцем кудрявая блондинка с веселыми глазами и широкой улыбкой. Сколько же счастья и радости было в этой молодой женщине! Уверенная в себе, считающая себя явно красавицей, она как бы продолжала оставаться еще живой – там, на фото, в том мире, где еще не знают о ее смер-

ти, – и смотрела на Женю спокойным добрым взглядом.

Такая женщина не могла бы никому навредить, подумала Женя, вспоминая озвученные Ребровым возможные мотивы убийства. Скорее всего, оказалась не вовремя там, где ее не должно было быть. Случайный свидетель преступления – вот эта версия больше всего подходила к этой солнечной женщине.

– Да, это она.

– Карамелова Алена Владимировна, – читал Ребров послание от своего помощника. – Ее разыскивает муж, Карамелов Герман Михайлович. Женщине тридцать четыре года, замужем, имеет двоих детей. Работает методистом в детском саду в Крылатском.

– Значит, методист... Теперь понятно, откуда у нее браслет из цветных макарон! Подарок какого-нибудь воспитанника. Ну или, как я и предполагала, своего ребенка.

Теперь, когда Женя знала о жертве хотя бы основное, она и на фотографию ее смотрела уже по-другому, более внимательно.

Судя по тому, что она видела, у этой Алены Карамеловой в жизни было все хорошо. Она явно была любима и счастлива. Муж, дети, полноценная семья. Что же такого с ней произошло, почему она закончила свой жизненный путь на заброшенном пустыре?

– Валера, а что там с камерами? Можно проследить машины на дороге, ведущей на этот пустырь?

– Там и дороги-то нет.

– А кто же обнаружил труп?

– Один мужчина, который тренировал свою овчарку. Место там безлюдное, просторное. Он каждую неделю туда приезжает, чтобы позаниматься с собакой. Говорит, что никогда и никого там не видел. Разве что один раз застал там машину с парочкой... Но они сразу уехали. В двух километрах отсюда проходит шоссе, между шоссе и пустырем лесной массив. Убийца знал, куда отвезти труп так, чтобы не засветиться.

– Значит, он был хорошо знаком с этой местностью. Там есть где-нибудь поблизости жилые дома?

– Нет. Только склады. Много складов. Предполагаю, что и этот пустырь в скором времени превратят в какую-нибудь промышленную зону.

– Что ты сейчас намерен делать? С чего начать? Встретишься с ее мужем?

– Да. Только не проси присутствовать при допросе – ты не сможешь.

– Да понимаю я все... Слушай, Ребров. Раз уж я в Москве, к тому же нам известно имя женщины и где она работает, попробую попасть в этот детский сад, может, узнаю что о ней, а потом тебе расскажу?

– Да кто ж тебя туда пустит? Там наверняка охрана.

– Скажу, что хочу ребенка устроить туда, поговорю с заведующей.

– Может, о ребенке ты и поговоришь, но про Карамелову

тебе точно никто ничего не расскажет.

– Ребров, чего это ты на меня так странно смотришь?

– Ну, во-первых, я сейчас поеду к Карамелову, допрошу его. Он бы и сам приехал ко мне, да только у него дочка маленькая затемпературила. А смотрю я на тебя так, потому что думаю, советовать тебе или нет... Чтобы внедриться в садик, коллектив, тебе можно было бы...

– Я поняла. Мне надо туда устроиться работать. И скорее всего, нянечкой, горшки мыть.

– Ну, типа того, – неуверенно проговорил Валерий.

– Но тогда Борис меня точно из дома выгонит.

– Не думаю. Если ты решила больше от него ничего не скрывать и честно скажешь ему, чем собираешься заниматься, то он тебя поймет. Ну или хотя бы примет эту ситуацию. К тому же тебе достаточно будет поработать там пару дней от силы, чтобы собрать информацию о Карамеловой.

– Точно! Всего-то пару дней! – Женя закусила губу, мысленно представляя себя уже на новом рабочем месте. И снова ее охватил азарт, желание действовать! – Пожалуй, я прямо сейчас и отправлюсь туда. Пришли мне номер детского сада и адрес, хорошо?

– Постой! Ты видела себя в зеркало?

– А что со мной не так? Вроде выгляжу скромно, в джинсах, свитере и куртке, практически не накрашена. О чем ты?

– Брильянты сними, – посоветовал ей Ребров. – Там женский коллектив, тебя быстро раскусят. Женщина, у которой

в ушах целое состояние, не станет работать нянечкой в детском саду, понятно? И вообще, поспокойнее. Не факт, что там не хватает нянь. Так что будь готова и к такому повороту, поняла?

– Ладно, Ребров, серьги и кольцо я сниму. И не пугай меня! Все равно устроюсь туда, хоть кем.

– Да, тебе, моя дорогая, главное – поваром туда не устроиться, вот будет анекдот! – И Валера расхохотался.

Глава 5

2 апреля 2023 г. Таня

«Что я наделала?»

Ей казалось, что этот вопрос она начала задавать себе уже вслух. Хотя на самом деле она проговаривала это, конечно, про себя, но губы точно шевелились. Распухшие, зацелованные губы.

Встреча братьев была бурной, радостной, они тискали друг друга, шутливо боксировали и снова обнимались.

Андрей, чтобы отметить приезд брата, достал бутылку дорожного коньяка и умоляюще попросил жену накрыть праздничный стол.

Таня и постаралась. Замариновала мясо, принялась готовить салаты, бутерброды с икрой, пока братья занимались мангалом. И вскоре дом, ярко освещенный фонарями, был уже окутан густым дымом. Приближалась ночь, но мужчины словно не замечали этого, жарили шашлык, весело переговариваясь, и Таня, стоя в доме у приоткрытого окна кухни и прислушиваясь к их разговорам, пыталась понять хотя бы что-то из того, что рассказывал о себе Виталий.

Работал в Сургуте вахтовым методом, занимался бизнесом, развелся с женой, почувствовал себя одиноким и вот решил повидаться с братом, надеется найти работу в Москве.

Конечно, Андрей ему поможет, как же он может не помочь своему родному брату. Он все для этого сделает, пусть Виталий сам решает, где ему лучше жить: либо здесь, в Сосновом Бору, у них, либо в московской квартире. Попросит жильцов, что снимают ее, освободить в самое ближайшее время.

Нет-нет, возражает Виталий, таких вот жертв точно не надо. Квартиранты – это деньги, конечно, он поживет здесь, вместе с ними, в лесу. Тем более что здесь такая благодать.

Услышав это, Таня почувствовала, как внутри нее, в животе, словно разлили теплое масло... Она не узнавала себя, не понимала, что с ней происходит. Из любовных романов она знала, конечно, о подобном состоянии и всегда пыталась понять, способна ли она на такие сильные чувства и желания, и вот теперь, когда она реально заболела страстью, когда ее тело совсем уже перестало подчиняться разуму, испугалась.

Машинально уже намазывая масло на ломтики батона и продолжая при этом стоять возле окна, за которым хорошо просматривалась площадка с мангалом и стоящими возле него братьями, она неотрывно смотрела на Виталия, чтобы понять, почему эти двое, близнецы, вызывают в ней такие разные чувства!

Муж Андрей – глядя на него, она ничего, кроме жалости к нему, обманутому, и благодарности за то, что он пока еще не прибил ее за измену, не испытывала. А вот Виталий, точная копия мужа, действовал на нее уже на физическом уровне. Сердце ее колотилось, когда она смотрела и смотрела на

него, почти уже в сумраке невидимого, всматривалась в его темный силуэт, и даже оранжевый огонек его сигареты действовал на нее завораживающе. Даже хрипловатый тембр его голоса вызывал в ней головокружение.

Нет, это чувство точно нельзя было назвать любовью. Это Андрея она любила всем сердцем, уважала, и ей постоянно хотелось заботиться о нем. Виталий же вызывал в ней какие-то нехорошие, как ей казалось, темные чувства и желания. Даже если бы он сейчас вошел на кухню и схватил ее за руки, крепко так схватил, больно, впился бы ногтями ей в кожу, она застонала бы от наслаждения. Вот так.

Кроме того, хоть и прошло уже несколько часов с тех пор, как вернулся Андрей, Таня продолжала чувствовать в себе Виталия. И от стыда, что даже воспоминания о наслаждении слишком уж явны и эти болезненные и вместе с тем заставляющие ее испытывать сильнейшее удовольствие движения мужчины внутри нее продолжают сладко мучить ее, она готова была плакать. Плакать от бессилия, от слабости.

Она не замечала льющегося в кухню из открытого окна холодного, густого хвойного воздуха, потому что вся пылала. Возвращаясь от окна к столу, где еще не все было готово к праздничному ужину, она вдруг спрашивала себя: а реален ли Виталий? Не придумала ли она его себе? Может, ей все это снится?

Перемешивая салат, она чувствовала, как покалывает ее щеки, так бывает, когда она резко краснеет или возвращает-

ся с мороза в жаркое помещение. «Что со мной творится?»

Она представляла себе, что в нее, как в сосуд, налили шампанское, и вот теперь оно бродило в ней, пенилось и искало выхода...

А выхода не было. Ее распирало от переполнявших ее чувств. И даже вина, раскаяние тонули в ярких картинах стремительно оживавшего воображения: вот после ужина Андрей уснет и она сама заманит Виталия в баню, где они запрутся, и в темноте она позволит ему делать с собой все, что он захочет.

От перевозбуждения ее даже стошнило.

Наконец стол был накрыт, в центре стола было приготовлено место для большого блюда с шашлыком. Братья со смехом, под хмельком, счастливые ввалились в кухню с шампурами в руках. И сразу запахло подкопченным дымком мясом, а в воздухе разлилось настоящее счастье.

Сели за стол, Таня принялась ухаживать за братьями.

– Господи, Виталия, как же хорошо, что ты выбрался к нам! Ты не представляешь, как я рад! Конечно, Танечка моя тебя совсем не знает, хотя я и рассказывал ей о тебе, и она не может понять мои чувства и радость, которые переполняют меня, но когда она узнает тебя поближе, то полюбит всем сердцем! Ведь так, Таня, так?

Он был такой милый, славный, глупый и добрый Андрей, ничего не замечавший, не чувствующий измену в метре от себя, что Тане захотелось его вдруг ударить. И сильно! Чтобы

он пришел наконец в себя, посмотрел на двух змей, обвивших его, такого чистого и счастливого, и разом убил бы их за предательство, за то наслаждение, которым они продолжали напиваться, едва прикасаясь друг к другу и сладко обжигаясь этими прикосновениями.

Теплая нога Виталия в мягком носке Андрея (после душа она принесла ему одежду мужа) уже давно гладила под столом ее босую ногу, и Таня млела, все чаще и чаще вливая в себя красное сладкое вино, чтобы окончательно опьянеть, и тогда бы Андрей сам унес ее спальню, да хоть бы запер ее там! Иначе она за себя не отвечает.

Разговор мужчин был ни о чем, они пересказывали друг другу какие-то смешные истории из жизни, особенно оживленным был Андрей, и его истории и анекдоты Тане были давно известны. Больше того, ей казалось, что они не интересны и вообще нелепы. Стройка, отношения между мужиками, какие-то фантастические планы развития бизнеса, горы денег на горизонте... Он уговаривал брата устроиться к нему на стройку, обещал ему легкую работу и большие деньги.

– Ты постой, Андрюша, – еле ворочая языком, уже пьяный, но такой красивый и сексуальный, Виталий похлопывал вяло брата по плечу. – Дай-ка я сначала немного отдохну, приду в себя, отосплюсь. Отогреюсь. Ты мне баньку завтра натопи, ладно? А то Танюха твоя сказала, что только ты умеешь ее топить... Отправила меня в душ, представляешь?

Здесь баня есть, а она говорит мне, мол, горячая вода есть только в душе... И вот мы с ней...

Таня с силой ударила его ногой под столом, но звука, к счастью, не было, поэтому Андрей ничего не заметил.

– ...говору, что Танюха твоя вкусно все приготовила... Она вообще молодец.

Он медленно повернулся к ней, сидящей по левую руку от него, улыбнулся, потом и подмигнул, и она чуть не ахнула от такой его дерзости: а вдруг Андрей бы заметил?

Но нет, Андрей молчал, руками брал и поедал еще теплые куски мяса и при этом разве что не урчал.

– Танечка, – наконец произнес он, запив мясо пивом, – ты постели ему здесь, на первом этаже, в комнате для гостей, и свет в передней не выключай, чтобы он ночью туалет нашел, хорошо? Что-то мы сегодня немножко перебрали... Ну все, мои родные. Я пошел спать.

Он вышел из-за стола, Таня слышала его шаги на лестнице – он поднимался в спальню. Там же, наверху, в детской давно уже крепко спала маленькая Маша.

Услышал шаги и Виталий и понял это как призыв к действию. Как зверь, ловкий и быстрый, он вскочил, словно и не был пьян, кинулся к Тане, схватил ее за плечи и прижал грубо, сильно к стене.

– Юбку подними... – прохрипел он ей в ухо.

Глава 6

Свидетель (подозреваемая).

Нина Михайловна

Мне все говорят, что я наискуднейшая личность, что со мной неинтересно. Ну и пусть. Мне никто и не нужен. Да, я не замужем, у меня нет детей, зато я многого достигла в своей карьере. Конечно, я просто-напросто заведующая детским садом, а вы попробуйте достичь хотя бы этой должности.

Думаете, мне нужна была власть? Нет, это не так. Одиночество – страшная штука, а в детском саду я чувствую себя как в семье. И все дети – мои дети. А персонал – тоже моя семья, мои помощники, которых я направляю, которым даю поручения, которым благодарна за их работу, но которые, я знаю, ненавидят меня. Но что поделать? Многие семьи живут так, ненавидят друг друга, но все равно живут бок о бок годами. Вот и я тоже так.

Для меня главное в саду – это порядок. И чтобы все сияло чистотой, еда была вкусная и полезная, я заставляю персонал постоянно все мыть и чистить, а повару не даю спуска, а как иначе? Кроме того, важно правильно составить заявку поставщику, чтобы продукты привезли свежие, качественные. И чтобы уложиться в определенную сумму. Наши дет-

ки должны хорошо питаться, поэтому у нас в меню всегда много молочных блюд, мясных, а также овощей и фруктов. И мы всё, практически всё, готовим на сливочном масле.

Я очень люблю наших деток, уважаю наших воспитателей и нянечек, завхоза Валентину Петровну, врача Лидию Михайловну и только единственного человека не переношу на дух – это Алена.

Алена Владимировна Карамелова. Я честно в этом признаюсь. И объяснить эту свою неприязнь мне трудно. Она методист, отлично справляется со своими обязанностями, ничего сказать не могу. Поддерживает теплые отношения с нашими шефами, спонсорами, библиотекарями, главным методистом комитета по образованию и даже имеет своего человека в министерстве.

Думаю, что именно этот фактор и позволяет ей так свободно себя чувствовать здесь, дерзить мне. Она знает, что неприкасаемая, что ее никто и никогда не уволит. Мы не скандалим, мало спорим, но люто ненавидим друг друга, это определено, и об этом всем известно.

И персонал этим пользуется. Если я заставлю нянечку Фенечкину повторно вымыть стену в раздевалке ясельной группы, так она сразу же бежит жаловаться этой Алене Владимировне. И вот тогда Алена приходит ко мне и спрашивает, на каком основании нянечке перемывать стенку, ведь она чистая.

Чистая, но не совсем! Я же ваткой прохожусь по стенам,

мебели и полам, я все контролирую. И если ватка будет грязной или просто серой, то придется перемывать. А как иначе? Это же детское учреждение, здесь все должно блеснуть! Не зря же мы постоянно получаем грамоты от руководства, наш садик ставят в пример как самый чистый. Но как этого добиться, если не проверять чистоту?

Я никогда не бывала в квартире Карамеловой, но могу себе представить, какая там грязь! Бедный ее муж! И как он ее только терпит? И как она вообще исхитрилась заполучить его в мужья? Он высокий, представительный мужчина, слегка поноватый, но его это ничуть не портит. Брюнет. Спокойный, такой милый. И имя у него красивое – Герман.

Конечно, когда он мне звонит, я обращаюсь к нему не иначе как Герман Михайлович.

Что сказать, повезло этой Алене. Вы же видели ее, она совсем некрасивая. И это еще мягко сказано. Да, если посмотреть на нее со спины, то вы увидите высокую худощавую женщину с тонкими ногами, даже, я бы сказала, костлявую. И ваше внимание привлечет ее прическа, точнее – ее пышные белокурые волосы, да к тому же еще и вьющиеся от природы. Если вы мужчина, то вы можете последовать за ней, даже окликнуть ее, но, когда она повернется к вам, вы увидите перед собой настоящего крокодила! Глубоко западавшие глаза, остренький нос, выдающиеся скулы и ужасная просто, выпирающая верхняя челюсть. Вам точно захочется бежать от нее. А она улыбнется вам, показывая ровные круп-

ные зубы, еще и подмигнет вам, начнет тотчас флиртовать (это у нее уже в крови!). И кто знает, может, и вы попадете в ее сети. Думаю, она ведьма, иначе как объяснить, что такая некрасивая женщина пользуется успехом у мужчин? Она поэтому всегда весела, бодрa, с ее тонких губ (которые, кстати говоря, она и покрасить-то толком не умеет, вечно помада заходит за край) не сходит улыбка.

Глядя на нее, и впрямь подумаешь, что она счастлива и что живет в каком-то своем мире, где всегда радостно, весело и нет никаких проблем.

А проблемы есть. Ну, во-первых, она взяточница. Сколько раз мне уже жаловались родители, которые утверждали, что она взяла с них деньги за устройство детей в садик. То есть она берет деньги, а я, заведующая, просто принимаю детей (по звонку сверху) – и все! Нет, я не то чтобы хотела тоже получать свою долю, об этом даже разговора нет, я-то не взяточница и хочу спать спокойно, но просто это как-то несправедливо, не по-людски...

О том, что Алену Владимировну убили, нам сообщили примерно в обед 27 апреля. Это потом мы узнаем, что убийство было совершено 23-го числа. То есть в воскресенье.

Я, совершенно забыв, что нахожусь в садике в воскресенье (я занималась документами, сидя в своем кабинете), ответила на встревоженный звонок Германа не попад! Забыв, что сегодня выходной, я сказала ему, что Алена поехала по делам. Перепутала дни. Это в пятницу она ездила к плотни-

ку, и в библиотеку, и еще в кучу разных мест. Но начиная с вечера пятницы я ее не видела, в субботу ее точно не было.

Получается, что Герман, потеряв жену, тоже на время выпал из реальности и забыл, что воскресенье. Или, уже отчаявшись найти ее, позвонил просто на всякий случай в садик? Да, такое тоже может быть.

Что я испытала, узнав о ее смерти? Сначала не поверила. Впала в ступор.

Мы все, кто был в это время в садике, собрались в актовом зале, где я и сообщила им эту страшную новость. Сразу же начались возгласы, глупые и эмоциональные, типа: «Такого не может быть!», «Да за что ее было убивать?», «Может, это несчастный случай?» – и все в таком роде. Некоторые заплакали. И я вдруг тоже почувствовала, как по щекам моим заструились горячие слезы! А я-то чего плачу? Разве я любила ее? Да я ее ненавидела, и меня прямо-таки тошнило от ее идиотской радостной улыбки. Но когда я слышала о том, что ее больше нет и что я никогда уже не увижу эту ее улыбку, эти ее сияющие голубые глаза, то вдруг поняла, что она всегда была близким мне человеком, причем светлым человеком. Ведь когда она только появлялась в саду, едва переступала порог моего кабинета, как вокруг становилось светлее, словно в окно заглянуло солнце! Она источала саму жизнь, в ней было столько энергии, что мне иногда казалось, что я подпитываюсь ею, как от аккумулятора. Да, вот такое странное сравнение.

И да, я долго еще не могла прийти в себя и поверить в то, что она мертва. Такие, как Алена, не умирают. Это противостоестественно. Она была доброй, настолько доброй, что такие люди не должны улетать на небо. Вот так я считаю.

И это не я ее убила. Не я удушила. Ведь ее, бедняжку, удушили! Ее, такую здоровую, сильную лошадь, удушили! То есть кто-то впился ей руками в горло и долго сдавливал, пока она не перестала дышать. И ведь она кого-то подпустила к себе, позволила подойти совсем близко. И кто это может быть, если не ее любовник? Подошел, чтобы обнять ее, и она сама потянулась к нему, он обнял ее, а потом схватил крепко за горло...

Возможно, она грозилась рассказать его жене о том, что у них отношения, шантажировала его. А он-то человек непростой... Но пусть уже о нем рассказывает кто-то другой. Я так считаю.

Глава 7

3 апреля 2023 г.

– Виталья отдохнет у нас неделю-другую, потом я возьму его к себе на стройку, – сказал Андрей перед тем, как отправиться на работу. – Ты уж, Таня, здесь не нагружай его особенно работой, корми, а то совсем исхудал. Кожа и кости. Да, и покажи ему, где удочки и снасти, он хотел порыбачить на нашем озере. Ну все, дорогая, я поехал.

Таня проводила мужа и вернулась в дом. Виталий еще спал. Она прибралась на кухне и вернулась в спальню, чтобы переодеться и заправить постель. Маленькая Маша спала в своей кроватке.

Таня переделалась в домашнее платье и вдруг поняла, что не хочет возвращаться на кухню, где ее ждали привычные хлопоты. Надо было поставить вариться бульон для борща, поставить тесто на пирожки. Еще она планировала помыть кухонное окно. Но сил не было. И желания заниматься всем этим тоже.

Она вообще теперь не знала, как ей дальше жить. В ее системе жизнедеятельности произошел сбой. Все, чем она занималась прежде изо дня в день и что доставляло ей удовольствие и удовлетворение от чувства выполненного долга, теперь потеряло смысл.

Она легла на кровать и закрыла глаза. Больше всего ей хотелось, чтобы дверь спальни отворилась, вошел Виталий и набросился на нее.

Она представляла себе: вон он заходит, раздевает ее, раздвигает ей ноги и толчками входит в нее, при этом зажимая ей рот рукой, чтобы она не закричала и не разбудила Машу.

И когда он на самом деле вошел и лег на нее, она от переполнявших ее чувств вдруг громко застонала, почти закричала, и тотчас проснулась Маша.

– Поставь ее кровать в другую комнату, – жарко дыша ей в ухо, сказал Виталий. От него пахло перегаром и горьковатым запахом табака. Настоящий мужской запах. – Чтобы не мешала.

– Мы можем пойти в баню, – предложила Таня и тотчас пожалела о сказанном. А как же ребенок? Она же проснулась, и теперь ее надо кормить, заниматься ею, пойти с ней гулять.

– Так она же орать станет.

– Что же делать?

Виталий не останавливался, продолжая двигаться, и, крепко вцепившись пальцами в ее голые плечи, придавливал к постели. Но плач Маши мешал и ей получать удовольствие. К тому же этот детский плач, крик о помощи вызывал болезненное чувство вины.

Таня попыталась вырваться из объятий Виталия, но не сумела. От ужаса происходящего, от невозможности как-то

прекратить уже этот позор на глазах проснувшегося ребенка Таня и сама заплакала.

И тогда Виталий, заметив ее слезы, мгновенно отпустил ее, перевалился через нее и лег на место Андрея. Затих. Глухо вздохнул с досады.

– Извини, я так не могу, я должна заняться Машенькой. – Таня вскочила с постели, набросила на плечи халат и бросилась к дочке, взяла ее на руки.

Раздался звук захлопываемой двери – Виталий ушел.

Уже на кухне, когда Таня варила кашу ребенку, ей вдруг захотелось раздвоиться, чтобы одна Таня продолжала варить кашу, а вторая была с Виталием.

Он сам налил себе чаю и куда-то исчез. Вернулся на кухню, когда Таня кормила дочку. Он был в куртке Андрея, в руках его была удочка.

– Вот, сам нашел. Пойду порыбачу, – сказал он и, не дождавшись ее реакции, быстро вышел из кухни.

Вторая Таня последовала за ним.

Он даже не позавтракал. Но ведь и она еще не успела ничего сделать для него, Андрей съел все приготовленные ею бутерброды. А что, если она сейчас быстро соберет ему еду и отнесет на озеро? Там тихо, хорошо, Виталий будет пить кофе из термоса, есть бутерброды с колбасой и сыром, а Таня – смотреть на него, любоваться, а потом они вместе вернутся домой.

Но дома Маша, как оставить ее одну? Она точно будет

плакать, просто захлебнется от крика, пока ее мама будет кормить завтраком точную копию ее отца.

– Машенька, сейчас я приготовлю тебе чай. Хочешь чаю?

Таня достала из аптечки таблетки, растерла их в ложке и всыпала в сладкий чай, напоила ребенка. Поначалу маленькая Маша ходила по кухне, топала ножками в прихожей, потом вернулась с куклой в руках снова на кухню, где Таня переливала кофе в термос, и, наконец, села под столом на ковер, потом, не в силах бороться со сном, закрыла глазки, улеглась, прижав куклу к себе, и уснула.

Таня достала крепко спящую девочку, отнесла в кроватку и укрыла одеяльцем:

– Ты поспи немного, Машенька, а я скоро вернусь.

Таня, собрав рюкзачок, оделась и побежала на озеро. Утром термометр показывал три градуса тепла. Что можно делать на озере в такой холод?

Таня, тепло одетая, долго и как-то легко бежала по лесной дороге, совершенно не чувствуя усталости. Вышла из леса и оказалась на берегу озера. Кусты и разросшиеся мощные ивы поголубели от тумана. Водная гладь дымилась, и где-то высоко в небе начинало просыпаться золотое, теплое солнце.

Таня окликнула Виталия, но ей никто не ответил. Она обежала все знакомые ей места, где рыбачил Андрей и куда бы могли привести тропинки и Виталия к озеру, но никого не нашла.

Возвращаясь, решила сократить путь и вернуться другой

дорогой, мимо дома актрисы.

Половина девятого. Если Лариса здесь, то наверняка спит. Она сова, ложится под утро и до обеда спит.

На этот раз Таня удивилась: окна веранды были освещены. Таня, почувствовав нехороший холодок под ребрами, осторожно приблизилась к дому и, спрятавшись за большой куст калины, заглянула в окна. И была поражена открывшейся ей картиной. Лариса, закутанная в белую шаль, о чем-то довольно громко разговаривала с Виталием! Тот был одет, но уже без удочки.

Таня решила вмешаться. Она хотела ясности. Как он оказался здесь? Что ему понадобилось у Ларисы? Вряд ли он шел к озеру и встретил ее на лесной тропе. Это полный абсурд!

Она подошла к крыльцу, увидела прислоненную к стене дома удочку, поднялась и постучала в дверь. Открыл ей Виталий!

– Таня? Ты как здесь?

– Да вот шла мимо, решила заглянуть к соседке... – соврала она, чувствуя, как краснеет. Прежде ей не приходилось так отчаянно лгать. Не было смысла, да и воспитана Таня была не так. В ее семье никто не врал.

– Что же ты мне не сказала, что у тебя под боком живет Лариса Туманова? Это же известная актриса! Я кучу сериалов с ее участием просмотрел!

– Да просто не успела... А ты-то как здесь оказался?

За спиной Виталия появилась Лариса. Она взглядом и жестами показала Тане, что и сама удивлена визиту Виталия.

– Доброе утро, Лариса.

– Доброе утро, Таня. Представляешь, я спала, как вдруг в дверь постучали. Смотрю в окно – стоит твой Андрей. Я сразу подумала, что что-то случилось, ну и открыла дверь. Гляжу, вроде бы Андрей, но какой-то не такой...

– Это его брат, – сказала смущенно Таня.

– Да я уж поняла.

– А ты чего разбудил Ларису? – как можно осторожнее и почти ласково, чтобы это не прозвучало грубо, спросила Таня.

– Да просто хотел познакомиться с вашими соседями, а заодно спросить, может, работа какая есть. Ну там, забор подправить...

– У нас нет заборов, один лес кругом, – недоверчиво покачала головой Лариса.

– Простите, – по-клоунски раскланялся Виталий.

– Вот если только починить проводку, я и провод купила и две розетки... Разбираетесь в электрике?

– Конечно!

– Ну, тогда приходите завтра часам к трем. Сможете?

– Заметано!

Возвращались вместе. Таня, кипя от ревности, не знала, как себя вести, чтобы не поссориться с Виталием. Вот Андрей точно не поступил бы так, не стал бы ломиться рано

утром в чужой дом, чтобы познакомиться с соседями. К тому же он не живет здесь, он всего лишь гость и какая Лариса ему соседка?

Да мало ли здесь в округе домов? Он что же, ко всем стулал, чтобы познакомиться?

И тут ее осенило: Андрей мог ему вчера, когда они жарили шашлык, мимоходом рассказать о Ларисе. Назвав фамилию актрисы, он мог вызвать интерес брата. Тот, возможно даже, тотчас принялся в телефоне искать список с участием фильмов, в которых она сыграла, рассматривать ее фотографии. Она красива, слов нет, и вообще она – Лариса Туманова. Но зачем же вваливаться к ней с утра и, по сути, позорить Таню? Да и Андрея! Конечно, она и открыла ему дверь, поскольку тот – точная копия соседа.

Ее распирало желание спросить Виталия, зачем он вообще пошел к соседке, вместо того чтобы удить рыбу. Но предполагала, что не сможет сдержаться и не справится со своим возмущением и ревностью, а потому наверняка вопрос выдаст ее раздражение и злость.

– Красиво тут у вас. Понимаю, почему даже такие люди, как Лариса, селятся здесь. Думаю, она здесь отсыпается, отдыхает от своих киношных дел, от съемок, тусовок разных. Мужиков водит?

– Нет. Ты правильно говоришь, она здесь отдыхает, гостей не принимает, разве что подруг. Но ведут они себя тихо, очень тихо.

Вопрос про мужиков резанул, вызвал неприятное чувство, словно ей было стыдно за Виталия.

Краснея, она, взяв его под руку и прижавшись к нему, прошептала:

– Машу медом накормила, чтобы она крепче спала... – Про спасительный мед она придумала, пока шла к озеру. Не могла же она сказать ему правду про димедрол.

– Да? Хорошо... Значит, домой можно не торопиться?

Он остановился, снял с плеча Тани рюкзак, подтолкнул ее к стволу сосны, бросил на землю удочку и пакет со снастями и принялся ее целовать.

Таня растерялась, она никак не ожидала, что Виталий воспримет ее слова о крепко уснувшей дочке именно так, что пожелает ее прямо здесь и сейчас, в холодном влажном лесу. Но странное дело, если еще недавно она чувствовала холод, если воздух, которым она дышала, казался ей чуть ли не морозным, то в объятиях Виталия ей стало жарко, и даже если бы сейчас на лес опустилась снежная туча, если бы все вокруг покрылось снегом и даже началась пурга, она бы этого не почувствовала.

...Дома было тихо. Таня первым делом бросилась в спальню – Машенька еще спала.

В ванную! Снять с себя все грязное, в земле и иголках, смыть с себя все это лесное сумасшествие и согреться. Вот сейчас ей было холодно, так холодно, что, попробуй она сей-

час произнести хоть слово, ничего, кроме стука зубов, и не услышать.

Кто сказал, что у хвой иголки? Это настоящие острейшие желтые и твердые иглы! И они кололи ее в самых нежных местах. А еще земля, комья которой были растерты по ягодицам, царапала нежную кожу.

Нет, душем здесь не обойтись. Таня пустила горячую воду в ванну и, не дожидаясь, пока она наберется, забралась туда и теперь лежала, поливая себя горячей водой из душа. Потом вылила туда половину флакона пены для ванны и постепенно оказалась погружена в белое душистое облако. Но и этого ей показалось недостаточно, и она вылила большую порцию геля на губку, поднялась и принялась намыливать ею свое порозовевшее тело. Потом вылила на голову шампунь, взбила до пены и принялась с остервенением, ногтями смывать с волос грязь. Может, грязи и не было, но она существовала в ее воображении. Если можно было бы отмыть ее совесть и все то хорошее, что прежде жило в ней, она не поскупилась бы на мыло и шампуни, постаралась бы очиститься.

«Я грязная, я очень грязная!»

Как теперь быть? Как лечь в одну постель с Андреем? А что, если он заметит ее грязь, если на простынях увидит хотя бы одну хвойную иглу? Как она ему это объяснит?

Постель! Там же наверняка остались утренние следы, пятна, запах ее любовника!

Она выбралась из ванны распаренная, красная, без сил

и тотчас начала разбирать свою сваленную на пол одежду. Освободив ее от иголок, она сунула сначала в стиральную машинку все светлое, а темное положила в пакет и спрятала под ванной – потом достирает.

Выйти к Виталию с мокрой головой не могла – надо было привести волосы в порядок, подсушить и уложить их. Это перед Андреем она могла появиться в любом виде – он муж, какой только он ее не видел.

Она с трудом удерживала в руках фен, который показался ей невозможно тяжелым. А ей ведь надо накормить деверя. Да, кажется, так называется брат мужа.

Да только откуда взять силы, чтобы приготовить хотя бы бутерброды? Хотя... Бутерброды же в рюкзаке!

В халате, покачиваясь и чувствуя головокружение, она поплелась в спальню, чтобы переодеться и провести дочку.

Малышка спала. Таня встревожилась. Сколько еще может действовать димедрол?

– Машенька, дочка... – она тронула ребенка за плечико. – Вставай, милая.

Но девочка не просыпалась. Тогда Таня принялась с силой трясти ее, даже похлопала по щечкам. Но ребенок не просыпался.

Но она дышала, дышала!

Что делать? Как быть? Звонить в «скорую»? И что потом? Возьмут кровь и обнаружат там огромную дозу снотворного. А что, если Маша умрет? Если ее сердечко не выдержит?

Таня взяла ребенка на руки и прижала к себе.

– Девочка моя, прости свою нехорошую мать, прошу тебя... – шептала она, заливаясь слезами. – Какая же я дура! Как же я могла? Да что со мной такое вообще творится? Маша, дочка, просыпайся!

Дверь открылась, Виталий с недовольным лицом спросил:

– Ну ты чего застряла-то? Не умею я вашей кофемашиной пользоваться. Яичницу, что ли, пожарь!

Глава 8

27 апреля 2023 г. Женя

Кто бы мог подумать, что уже в два часа дня, во время тихого часа, Женя, вдыхая аромат свежей выпечки, будет мыть лестницу в детском саду?

Ее приняли моментально, сразу, без всяких санитарных книжек, из чего она сделала вывод, что никогда в жизни не отдаст сына в подобное заведение. Получается, что в садике может работать любой больной, заразный человек. А ведь нянечка не только должна мыть полы и стены, наверняка будет помогать раздавать еду.

Женя, мгновенно принятая на работу и поджидающая в коридоре, когда завхоз выдаст ей рабочий фартук и косынку, успела в интернете ознакомиться с должностной инструкцией нянечки в детском дошкольном учреждении и была в шоке от того, чем только не приходится заниматься этому малооплачиваемому (двадцать пять тысяч рублей в месяц!) персоналу. Кроме уборки – помогать деткам одеваться-раздеваться, менять белье в ясельных и младших группах, кормить, осуществлять присмотр за детьми в целях их безопасности и много чего еще!

«Господи, как же хорошо, что я здесь временно!»

Заведующая сразу не понравилась Жене. Высокомерная,

с нехорошей улыбкой женщина в коричневом костюме и белой блузке. Она восседала за своим огромным письменным столом и разговаривала с будущей нянечкой назидательным тоном. Стены кабинета были увешаны детскими рисунками, на полочках было выставлено огромное количество поделок из самого разного материала: листьев, желудей, высушенных ягод, бумаги, шишек, ракушек, соленого теста, семечек, камней, яблок, овощей, веток, скорлупы, крупы, кукурузы и многого другого.

«Вот ведь не лень этим воспитателям возиться с этой канителью! – подумала Женя. – Я бы так не смогла. От тоски бы умерла...»

Между тем заведующая, Нина Михайловна Караваева, продолжала знакомить Женю с ее обязанностями, перемежая эту тему с рассказами о своем вкладе в жизнь детского сада, о стремлении к чистоте во всем...

Какая же тоскливая тетка! И как вот тут прервать ее и вывести на тему убийства Алены Владимировны Карамеловой? Как? Нет-нет, с заведующей этот номер не пройдет. И если и удастся узнать что-то, то самую малость. Обычно более болтливы и общительны как раз нянечки и воспитатели.

– Да, я все поняла.

Женя и сама уже готова была свернуть разговор, как вдруг услышала:

– Вы в курсе вашей зарплаты?

– Кажется, тридцать тысяч.

– Это неточная информация. Двадцать пять тысяч, а если вы захотите здесь питаться, то две тысячи вычтут за еду.

– То есть двадцать три тысячи?

– Ну, и минус тринадцать процентов подоходного налога, считайте сами. – И заведующая замерла в ожидании реакции потенциальной няни, согласится ли та работать на таких условиях или нет.

– У меня сын маленький, мне его срочно надо устроить в ясельную группу, кажется, я вам уже говорила.

– Да-да, я помню, как же! Если вы соглашаетесь работать у нас, то примем и вашего ребенка.

– Значит, я согласна.

– Вот и отлично! – И Нина Михайловна беззвучно похлопала в ладоши. – Я сейчас позвоню нашему завхозу Валентине Петровне, она покажет вам ваше рабочее место и даст фартук. Расскажет, где у нас что находится, где инвентарь и все такое.

– Нина Михайловна, я могу задать вам один вопрос?

– Пожалуйста... – Видно было, что заведующая отчего-то напряглась.

– Это правда, что кто-то из недовольных родителей убил вашего методиста?

– Что-о-о-о?! – Нина Михайловна вскочила из-за стола, зачем-то сняла свои очки в золоченой оправе и принялась вытирать стекла о жакет. – Глупости какие!

– Так убили же женщину. Я точно, конечно, не знаю, вроде

бы ей голову проломили... Вы поймите, я же на работу сюда устраиваюсь. Ребенка хочу привести, а у вас тут персонал убивают. Разве вы на моем месте не поинтересовались бы, кто и за что убил женщину?

Заведующая вернулась на место и принялась теревить край журнала. Заговорила, не глядя на Женю:

– Да, вы правы и на самом деле имеете право знать об этом убийстве. Да и мы все, весь наш коллектив хотел бы знать, кто и за что убил нашу Алену, но мы и сами ничего не знаем! Так жаль! Она была таким светлым человечком! Высокая красивая блондинка, яркая такая женщина, талантливая! Да вот, посмотрите сами!

Нина Михайловна встала и подошла к стенду с фотографиями. В основном это были групповые снимки.

– Видите эту высокую женщину с кудрявыми белыми волосами? Это она и есть!

– Какая эффектная, – вздохнула Женя. – И как же ее убили?

– Удушили, – шепотом сказала заведующая и скорбно сложила губы. – Мы с ней дружили. Хорошо ладили. Она была исполнительной, энергичной, ее все любили.

– Понятно... Да, жалко. Мне просто хотелось знать, не родители ли ее...

– Да глупости какие! Кто вам такое сказал? У нее были прекрасные отношения со всеми! Она была совершенно неконфликтным человеком. Полагаю, что ее убили по ошиб-

ке, знаете, как это бывает. Ну или она просто оказалась свидетельницей... Потому что причины ее убивать просто не могло быть!

Женя познакомилась с завхозом. Валентина Петровна, оглядев ее с головы до ног, приветливо улыбнулась и вдруг как-то очень уж по-свойски, словно они были знакомы давно, поманила пальцем в свою каморку в самом конце длинного коридора.

Каморка была поделена на две части: в первой ближе к двери по периметру располагались полки с коробками, банками, справа высокий застекленный шкаф с чистым бельем, а во второй, что поглубже, было ее личное царство с маленьким диванчиком, столиком, буфетом и даже шкафом. На подоконнике маленького окна стояли горшки с бегониями и фиалками. На столике стояла тарелка, прикрытая салфеткой, – должно быть, какая-то еда.

– Да ты не бойся, я тебя не съем!

Завхоз была невысокой толстушкой с непомерно большой грудью, на которой с трудом сходилась белый халат. Аккуратные кудряшки держались благодаря химической завивке. Гладкое приятное лицо с добрыми карими глазами, маленьким курносом носом и красными полными губами. В ушах тяжелые золотые серьги с рубинами, на пальцах – множество перстней, и все золотые, массивные, советских времен. Ну просто типичный детсадовский завхоз того времени.

– Ты садись, посидим, поговорим. – Она усадила Женю на диванчик, села напротив. Потом, словно вспомнив что-то, резво поднялась и достала из буфета бутылку вина. – И как только тебя, родная ты моя, сюда занесло? Ты и двадцатку здесь не заработаешь. Наша Драконовна тебе все объяснила?

– Кто?

– Женя, ты отлично все поняла. – Валентина Петровна поптичьи склонила голову набок и лукаво посмотрела на нее.

Она точно никого не боялась и вела себя с Женей, совершенно посторонним ей человеком, так, как если бы была уверена, что та ее не выдаст.

– Ну да... поняла, конечно, – кивнула Женя. – Да мне ребенку надо устроить в детский садик.

– Понятное дело! Она возьмет его, не обманет. Но для начала я хочу тебе сказать самое главное: никогда не конфликтуй с ней, поддакивай, со всем соглашайся, но делай все по-своему. Она у нас повернута на чистоте, вечно ходит с ваткой, представляешь, с ваткой, чтобы проверить чистоту стен, полов, дверей... Это как? Ватка! Ей бы в рот засунуть эту ватку. Я, честно говоря, несколько не удивилась бы, если бы кто придушил именно ее, очкастую змею эту.

Женя покрылась мурашками. С какой же злостью это было произнесено!

– Да, я слышала... у вас методиста убили, молодую женщину.

– Алену нашу убили, царствие ей небесное! – И Валентина

Петровна, мелко перекрестившись, проворно достала рюмки и разлила вино. – Пей, не бойся. Она сюда не заходит. Так что беспокоиться не о чем.

– Ну ладно... – И Женя, чтобы войти в доверие к завхозу, пригубила вино.

– А ты спроси меня, почему она не заходит? Да ты закусывай, это я из дома принесла, пирожки с яблоками. – Валентина Петровна сняла с тарелки салфетку, под которой оказались пирожки аппетитного вида с золотистой корочкой.

– И почему же не заходит? – Женя надкусила пирожок.

Чудесный, с сочной яблочной начинкой. «Эх, мне бы научиться печь такие!»

– Да потому, что боится меня. Я слишком много о ней знаю. Она же взяточница знатная! У нее дома, в квартире, мешки с деньгами! Да-да, я не вру! Она взятки брала, а сваливала все на Алёну нашу. А Алёна не такая была. Да, к ней обращались, конечно, но она всех отправляла к Драконовне. Нет, конечно, кое-что и ей перепало, но все по мелочам. Давай выпьем за нее!

И тут Валентина Петровна заплакала. Так горько и искренне, что у Жени сердце сжалось. Какая же непосредственная и открытая женщина эта Валентина! Первому встречному выдает разные секреты. Зачем?

– Светлый человек, – повторила она в точности определение, сказанное об Алёне заведующей.

– Так кто ее убил-то, не поняла! – воскликнула Женя. –

Она замужем была?

– Конечно! У нее прекрасная семья, двое детей, все было в полном порядке! Это не ее должны были убить, точно тебе говорю!

– А кого же?

– Нашу Нину Михайловну. Я так думаю, что она получила от родителей большие деньги, а ребенка не приняла. Обманула. А иначе за что еще могли убить методиста? Да ее просто спутали с заведующей! Няняли киллера, ну, доморощенного какого-нибудь местного наркомана, показали на заведующую, может, они рядом стояли на площадке, он и не понял...

– Вы серьезно? За то, что не приняла ребенка в детский садик?

– Так родители же разные бывают. Есть культурные, интеллигенция, а есть другие: им палец в рот не клади, богатые, грубые, агрессивные, считают, что, раз у них деньги есть, им все можно!

– А кроме конфликтов из-за приема детей еще были какие-нибудь? Ну, к примеру, что воспитатель бьет ребенка? – попробовала Женя разговорить и без того общительную женщину.

– Конечно, есть! Одну нянечку загнобили из-за того, что ребенок пожаловался на нее, сказал, что она хотела выбросить его в окно!

– Да вы что? Seriously?

– Не знаю, было ли то на самом деле, но нянечку эту уволили.

– Но то нянечка, все понятно, она непосредственно с детьми работает. То же касается и воспитателей. Но при чем здесь может быть методист?

– Не знаю... Иногда Алена подменяла воспитателей. Но она была, повторяю, светлым и очень добрым человеком. Она любила наших деток. И на нее уж точно никто и никогда не жаловался.

– Значит, причину ее убийства следует искать не в садике, а в другом месте. Может, дома?

– Нет-нет, там благополучная семья. Я вот что думаю... Лет пять тому назад я встретила одну свою знакомую, она тоже в садике работала. Она рассказала, как у них воспитательницу зарезали.

– Боже... – вздохнула Женя. – За что?

– А ни за что. Ее брат просто проиграл в карты. Он должен был убить свою сестру. Иначе убили бы его.

– Какие ужасы вы мне рассказываете!

– Но это точно. Брат потом сам сознался, теперь вот сидит. Так что найти причину, мотив убийства Алены нашей – тот еще вопрос! Ну что, давай помянем ее! Царствие ей небесное!

Они выпили, затем Валентина Петровна отвела Женю на кухню. Там, в маленьком помещении, смежном непосредственно с кухней, которое считалось столовой для персона-

ла, уже был накрыт стол к полднику. Булочки, молоко, ваза с яблоками.

– Здесь кушаем мы: заведующая, я, наш доктор, музыкальный работник, сами повара. А ночью ужинает наш сторож, Вера.

– У вас сторож – женщина?

– Да, она давно на пенсии. А что такого? Работа – не бей лежачего! Ешь себе да спи! Ты, милая, съешь булочку, выпей молочка, да пойдем, я дам тебе ведро и тряпку. Но у нас есть и новая швабра, очень удобная. Сама увидишь. Покажу тебе, откуда начинать мыть полы.

Швабра на самом деле оказалась удобной, современной, и Жене было не привыкать мыть полы. Но что делать дальше? Не может же она теперь целый день намыывать полы, в то время как у нее совсем другие цели!

С кем бы еще поговорить о Карамеловой?

Домыв лестницу, она вымыла руки и заглянула в первую же группу.

Шел тихий час, дети спали, и воспитательница, симпатичная молодая женщина в красной блузке и черной юбке, сидела за столом и вязала. Такая умиротворяющая картинка.

Увидев Женю, она улыбнулась ей.

– Меня зовут Женя, я новая нянечка. Сегодня вот мою коридоры, а завтра, может, меня определят в какую-нибудь группу.

– А меня зовут Светлана Николаевна, – приветливо отве-

тила ей женщина. — Значит, вас поставили коридоры мыть? Понятно... Проходите. Хотите компот? С обеда остался.

И она показала на два маленьких бокальчика с компотом на столе.

— Не откажусь. Здесь так вкусно пахнет, и эта детская еда... Всегда хочется есть. Я, когда была еще девчонкой, помогала маме убираться в детском саду, — придумывала на ходу Женя. — Когда детки не приходили и оставалась еда, то бутерброд с маслом и сыром, то котлеты, мама всегда скармливала мне эту вкусноту.

— Раньше и мы могли спокойно есть вместе с детьми, бесплатно, разумеется, а теперь вот из нашей зарплаты вычитают две тысячи. Но уж лучше так платить, чем украдкой доедать суп, пока никто не видел. Просто обидно, ведь еда все равно остается. Наш повар каждый день забирает целое ведро отходов, она круглый год живет на даче и откармливает там поросенка.

— Да вы что? Это же вроде запрещено?

— У нее дом на окраине, никому не мешает... У нее и куры есть, мы покупаем у нее яйца. Каждый крутится как может. Я вот лично не против. И если бы у меня была такая возможность, тоже развела бы кур или гусей. И вообще, мы подумаем с мужем переехать жить на дачу, а квартиру сдавать. Может, на полчаса дольше будет добираться до работы, зато неплохая прибавка к семейному бюджету.

— Это да, — согласилась с ней Женя, допивая компот. —

Обожаю компот из сухофруктов. Спасибо!

– А вы где живете?

– В Подольске, – не моргнув глазом, сказала Женя.

– Где-где? Так это же очень далеко?

– Ну... это... у меня там мама живет, а я снимаю комнату здесь, неподалеку...

– Понятно.

– А это правда, что у вас воспитательницу убили?

– Ох... – Светлана Николаевна закатила глаза и вздохнула. – И не говорите. Да только не воспитательницу, а нашего методиста, Алену.

– Прямо-таки убили или несчастный случай? Просто не верится, что... убийство...

– Удушили наше солнышко. Вот просто злодей какой-то, честное слово! Убил и вывез куда-то на помойку или пустырь... Ее случайно нашли, человек выгуливал собаку и увидел. Мы все в шоке! Вот так живешь себе спокойно, не задумываешься о смерти, и вдруг – бабах! Убийство! Вообще не представляю себе, кто и за что мог ее убить. Такая по природе своей веселая и какая-то солнечная женщина! Всегда можно было прийти к ней, посоветоваться, а то и поплакаться... И она так взбодрит, так зарядит тебя позитивом, что и жизнь становится не такой уж и невыносимой. Ее у нас все любили.

– Да, жалко... И что же, никого не подозреваете?

– Да есть у меня одно предположение... – Светлана Нико-

лаевна машинально выпила компот из второго бокальчика. — Но способ убийства как бы не подходит...

— Что, в карты ее проиграли? — горько усмехнулась Женя.

— Ой, да что вы? Какие еще карты? Все гораздо прозаичнее и проще. Говорят, что у нее был покровитель. Какой-то крутой чиновник, который ей всегда во всем помогал. Он и должность ей эту выхлопотал. Она как-то призналась, что могла бы стать и заведующей здесь, но отказалась, слишком уж это хлопотно, да и времени на семью не осталось бы.

— Чиновник? Кремлевский, что ли?

— Да нет, ну что вы? Из министерства или комитета по образованию, точно не знаю. Мне Вера наша, сторож, рассказывала как-то, что видела их вместе... Вроде бы он заезжал за ней как-то вечером, когда Алена задержалась здесь допоздна. Красивый такой, высокий брюнет, подъехал на шикарной машине.

— Думаете, это он мог ее...

— Да нет же! У него наверняка семья, жена. Вот жена, узнав про любовницу мужа, могла, если не сама, то наняла кого-нибудь. Но все это просто мои предположения. Откуда мне знать?

Спрашивать фамилию чиновника было опасно, это могло насторожить воспитательницу.

— Да уж... Вполне себе жизнеспособная версия. Ревность — страшная штука. Сильное чувство.

— А то!

– А что вы вяжете?

– Кофточку дочке моей племянницы, ей всего три месяца.

И так хочется связать ей что-нибудь такое нежное, мягкое...

– Ладно, мне пора. Спасибо за компот.

Светлана Николаевна ей снова лучисто улыбнулась.

Глава 9

27 апреля 2023 г. Герман

Тот день, когда он звонил своей теще ночью, еще можно было назвать счастливым – ведь он тогда не знал, что Алены больше нет. Была надежда. Больше того, была уверенность, что она вот-вот вернется. Ну что с ней на самом деле могло случиться? Авария? Машины у нее нет, она боялась ее, отказывалась даже учиться вождению, говорила, что никогда не сможет почувствовать ее габариты, что даже когда она едет пассажиром в их машине, за рулем которой Герман, ей постоянно кажется, что все машины едут слишком близко от них, что они так и норовят столкнуть ее.

«К тому же, – весело говорила она, – у меня топографический маразм».

Да, она на самом деле очень плохо ориентировалась и, вероятно, была не способна запоминать маршрут. Зато в метро чувствовала себя как рыба в воде. Знала все удобные переходы, знала, как сократить путь, где лучше выйти, на какой маршрут перейти. Как-то очень легко и быстро добиралась до дачи в Ховрине. Дачу любила, чувствовала себя там комфортно. Не сказать, что прямо «сажала огороды», но там много чего было посажено ею. Конечно, густые заросли малины сажал еще ее отец, но вот клубнику покупала и сажала

ла Алена. Ругалась, когда возилась с ней, постригала кустики и пропалывала, говорила, что это каторжный труд, зато с каким удовольствием потом собирала ее и кормила детей! Еще варила варенье, прямо в саду, на маленькой электрической плитке. Розовое варенье булькало, пенилось, и Герман, глядя на жену, собирающую пенку, понимал, что вот это и есть настоящее счастье. Когда рядом жена, дети, этот залитый солнцем сад, пение птиц, порхание бабочек...

«Гера, попробуешь? Тебе положить пенку?»

Он отказывался, предпочитая холодное пиво, а дети с радостью пробовали пенку, а потом, когда клубничное варенье было разлито по баночкам, вычищали ломтями батона еще розовый от душистой сладости тазик. А Егор, уже не мальчик, а паренек, позабыв, что уже вырос, с удовольствием облизывал варенье с половника.

Алена на даче всегда готовила какие-то диковинные, необычные супы из зелени, из всего, что там росло. Конечно, в основе был всегда куриный бульон.

На кухне с незапамятных времен стоял большой, чуть ли не промышленный, морозильный ларь. Когда-то давно, когда Алена работала простой воспитательницей, она договорилась с завхозом и чудом выкупила сразу две списанные морозилки – на дачу и домой. И ровно с того момента эта дачная морозильная камера всегда была забита продуктами: курами, пельменями, варениками, тестом, фруктами, творогом и даже молоком в пакетах! Поэтому, как только приезжали

на дачу, Алена сразу же доставала курицу и принималась варить бульон. Потом шла в сад, набирала зелени, срывала молодую капусту, кабачки, помидоры, перец, петрушку с укропом и прочими пряными травами и варила ароматный и густой суп. Из кабачков тут же жарила оладьи, а из слоеного теста лепила пирожки с яблоками или ягодой. И все-то она делала легко, весело, с фантазией. И хохотала, улыбалась, шутила...

Приезжали с сумкой, набитой чистым постельным бельем, и Гера (это была его обязанность) раскладывал его по ящикам комода или стелил постели. Егор пылесосил, а Оксана протирала пыль. После обеда все ложились в свои кровати и спали. А вечером отправлялись на прогулку, навещали соседей, работали в саду, а перед сном пили чай на веранде с пирожками, конфетами...

А ведь этого больше никогда не будет.

Герман сидел за столом напротив следователя Реброва и отвечал на его вопросы. Понятное дело, что в первую очередь всегда подозревают мужа.

Вопросы были унижительными, болезненными. Конечно, следователь должен был спросить, известно ли Герману, были ли у жены любовники.

Ну какие еще любовники? Алена была глубоко семейным человеком. В ее жизни на первом месте была семья, на втором – работа.

– Какой она была в последнее время? Быть может, ее что-то беспокоило?

Да ничего ее не беспокоило! Все было как всегда. Она пропадала на работе, носилась по Москве, устраивая какие-то дела, постоянно что-то мастерила дома, чтобы показать новые поделки воспитателям, изобретала какие-то новые вазочки, игрушки, картины из природных материалов, хотя никто ее об этом и не просил. Лепила из соленого теста пирожки и маленький хлеб, затем выпекала все это и раскрашивала, чтобы дети потом могли этим играть.

Ездила на какие-то курсы и вебинары по усовершенствованию, в короткие командировки то в Суздаль, то в Новгород. Сопровождала детей вместе с воспитателями на экскурсии на киностудию «Союзмультфильм», в Дом сказок, в деревню с гончарами, в Переделкино, в Дом-музей Чуковского... В ней было столько энергии! А сейчас она успокоилась.

Герман был в морге. Ему стало там плохо – ему показалось, что Алена даже мертвая ему улыбнулась...

Проверяли его алиби. Но алиби не было. В день, когда убивали его жену, у него был выходной, он просто отсыпался дома. И никто не мог это подтвердить. Разве что в самом скором времени проверят камеры рядом с домом – вот они точно спасут его, покажут, когда он вошел домой, вечером 22 апреля, и когда вышел – утром 24-го.

Получается, что в день убийства, когда он укладывал детей спать и звонил заведующей и теще, Алены уже не было

в живых. Она лежала на пустыре. А он сказал теще, что она дома, спит. Ему еще придется ответить за этот обман и выслушать все, что родители жены думают о нем.

Что теперь с ними будет? А как теперь жить им, Егорке и Оксане? Как рассказать им, что стало с их мамой?

И зачем следователь заставил его приехать в Ховрино? Кажется, Алену убили не на пустыре, а где-то в другом месте. Вот они и ищут место преступления. Сначала произвели обыск в квартире, затем на даче. Вот только что они искали? Если бы Алену зарезали или застрелили, словом, если бы ей причинили смертельные раны и пустили кровь, тогда, понятное дело, искали бы следы крови. Но ее удушили. Не изнасиловали. Значит, убили ради того, чтобы просто убить.

Но кто и за что мог пожелать ей смерти? Ладно бы, произошел несчастный случай, было бы не так страшно и обидно (хотя все равно все страшно, очень страшно и невыносимо!). Кто мог так ее ненавидеть или бояться?

Он мог бы, конечно, озвучить тему взяток, которые Алена передавала заведующей. Да, она шла на это, но не потому, что поощряла, нет, а чтобы держать эту алчную сволочь на коротком поводке и чтобы та не мешала ей работать. Они обе ненавидели друг друга, но терпели. Конечно, и Алена приносила иногда домой продукты, и помогала ей в этом, конечно, завхоз, Валюша. Да, воровала, но немного. То кусок мяса, то немного масла. Но за это не убивают.

В квартире не нашли ничего подозрительного. Обычная

квартира, все в порядке. Следов борьбы нет.

Герман почувствовал, как слезы закипают, как ему становится трудно дышать.

Потом поехали на дачу.

– Зачем мы приехали сюда? – спросил он Реброва.

Но тот, конечно же, не ответил. Он и не обязан был отвечать. Он просто работал. Ему нужно было найти убийцу. И первым подозреваемым стал он, Герман.

– Я люблю... любил ее... – Он уже не мог сдержаться и заплакал. – И она была хорошей женой. Вы напрасно тратите время.

Конечно, у него спросили, не было ли у него любовницы. Да, самое время было задавать этот вопрос. Чтобы добить его окончательно.

– Я никогда не изменял своей жене. Она была прекрасной женщиной, женой, матерью, – произнес он с трудом, давась рыданиями.

– Вы извините, – вдруг услышал он от Реброва, – что я задаю вам эти вопросы. Но так нужно. Мы должны проверить все.

– Хотите сказать, что если бы у меня была любовница, то она могла бы придушить Алену? Вы серьезно?

Конечно, все это было серьезно. Ребров – следователь, он знает что делает. Он профессионал.

– Вы хотя бы проверили ее телефон?

– А разве мы вам не сказали? – вдруг оживился Ребров

и нахмурился. – Телефон вашей жены мы нашли дома, в ее туалетном столике. Он был выключен.

– Да вы что? Как это? – Он перестал плакать, настолько был удивлен. – Но она и шагу не могла ступить без телефона. Она всегда говорила, что в нем – вся ее жизнь!

– Извините, что не сказал сразу.

– Ну, может, там видели, с кем она разговаривала последнее время?

– Да. Проверяем.

– Неужели так долго можно проверять телефон? Кому она звонила? Кто ей звонил? Хотя бы это вы можете сказать?

– Кое-что мы знаем, в основном звонки по работе. Еще она созванивалась с Галиной Петровой, мы выяснили, это ее коллега, воспитатель.

– Да, я знаю ее. Она близкая подруга Алены.

– Еще один мужчина, Абросимов Виктор Леонидович. Вам знаком этот человек?

– Кажется, это мастер, столяр или плотник, не знаю, как правильно сказать...

На самом деле, ну какая теперь разница, плотник он или столяр? Чего только в голову не лезет!

– Что она рассказывала вам о нем?

– Да ничего! Она заказывала у него какой-то стенд, что ли. Он всегда помогал ей, делал подрамники для картин, которые они с детьми старшей группы рисовали. Иногда приходил в детский сад, чтобы что-то там отремонтировать, ка-

жется, менял замки... Я ничего толком о нем не знаю. Но они общались только по работе, это точно.

Конечно, Ребров не поверит ему. Проверит. То есть будет допрашивать и задавать ему ужасные вопросы.

А что, если между ними что-то было? Глупости! Он не должен так думать. Да если сейчас выяснится, что и было что-то, то он, Герман, сразу же ее простит. Важно, чтобы не он, не плотник ее убил. А если он, то Герман сам его прибьет. Но, с другой стороны, если он это сделает и его посадят, что будет с детьми? Они же останутся сиротами!

У него застучали зубы, и тело словно свело судорогой. А в голове образовалась пустота.

Обыск закончился, Герман запер дачу, и они выехали на машине Реброва. Куда его везут? В следственный изолятор?

Но нет, Ребров высадил его у ближайшего метро. Сказал, чтобы он не покидал Москву.

Герман поехал к родителям Алёны. Дети пока еще ничего не знали и были у них дома. Он пока не решился рассказать им о смерти мамы, сказал, что она у родителей.

Дверь ему открыла Ксения Андреевна. Одета во все черное и какая-то вся собранная и энергичная, словно смерть дочери придала ей сил и бодрости.

Он готов был зажмуриться или заткнуть уши, чтобы не слышать ее обвинений или упреков, но вместо этого почувствовал, как она его крепко обнимает.

– Гера, – услышал он ее твердый голос, – нам всем сейчас

тяжело, и мы должны держаться вместе. Не раскисай. Будем поднимать детей. Это сейчас самое важное.

И он сразу обмяк, прижал ее к себе с чувством великой благодарности:

– Спасибо, мама.

Глава 10

3 апреля 2023 г.

Машенька наконец проснулась. Но смотрела на мать мутноватым взглядом. И весь день до вечера была вялая и плохо ела.

Таня покормила дочку и посадила в манеж, который прикатила прямо на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.